

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ  
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ  
*ՌՈՒՍ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ*  
ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
*РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ*  
BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY  
*RUSSIAN PHILOLOGY*

ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ  
*ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ*  
*SOCIAL SCIENCES*

№ 3 (18)

ԵՐԵՎԱՆ - 2015

«ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ ՌՈՒՄ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ»  
«BANBER YEREVANI HAMALSARANI. RUSSKAYA PHILOLOGIYA»  
«BANBER YEREVANI HAMALSARANI. RUSSIAN PHILOLOGY»

Գլխավոր խմբագիր՝ Միրզոյան Հ. Ղ.

*Խմբագրական խորհուրդ.*

Ավետիսյան Լ. Վ. (*գլխ. խմբագրի տեղակալ*), Գազարովա Ղ. Յու.,  
Գևորգյան Տ. Մ. (*Մոսկվա*), Գոնչար Ն. Ա. (*գլխ. խմբագրի տեղակալ,  
պատասխ. խմբագիր*), Դենիսենկո Վ. Ն. (*Մոսկվա*), Լալայան Ս. Ա.,  
Հակոբյան Լ. Գ., Հարությունյան Վ. Ն., Հովակիմյան Ա. Է. (*պատասխ. քար-  
տուղար*), Մաթևոսյան Լ. Բ., Մխիթարյան Կ. Մ., Ջանփոլադյան Մ. Գ., Մի-  
մոնյան Ա. Հ.

Главный редактор: Мирзоян Г. К.

Редакционная коллегия:

Аветисян Л. В. (*зам. главного редактора*), Акопян Л. Г., Арутюнян В. Н., Газа-  
рова Д. Ю., Геворгян Т. М. (*Москва*), Гончар Н. А. (*зам. главного редакто-  
ра, ответ. редактор*), Денисенко В. Н. (*Москва*), Жанполадян М. Г.,  
Лалаян С. А., Матевосян Л. Б., Мхитарян К. М., Овакимян А. Э. (*от-  
вет. секретарь*), Симонян А. Г.

Editor-in-chief: Mirzoyan H. Gh.

*Editorial Board:*

Avetisyan L. V. (*Deputy editor-in-chief*), Denisenko V. N. (*Moscow*), Gazarova  
D. Y., Gevorgyan T. M. (*Moscow*), Gonchar N. A. (*Deputy editor-in-chief,  
Managing Editor*), Hakobyan L. G., Harutyunyan V. N., Hovakimyan A. E.  
(*Executive Secretary*), Janpoladyan M. G., Lalayan S. A., Matevosyan L. B.,  
Mkhitaryan K. M., Simonyan A. H.

## ПАРУЙР СЕВАК И МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СЕЙРАН ГРИГОРЯН

Один из крупнейших представителей армянской поэзии XX века Паруйр Севак (1924–1971) на протяжении всего творческого пути был теснейше связан с русской поэзией – от классиков до современников, от Пушкина и Лермонтова до Роберта Рождественского и Андрея Вознесенского. Русская поэзия с ее многоголосием, с ее богатым опытом была для Севака родным миром, питала его эстетические воззрения, его переводческий репертуар и искусство, поэтические его замыслы и претворения. Среди русских ориентаций Севака особенно и многозначительно выступает его плененность голосом, искусством Марины Цветаевой. И как обычно бывает в подобных случаях, так и здесь мы имеем ряд более чем красноречивых авторских признаний.

В одном из писем 1964 года, адресованных Ваге Овакимяну, Севак высказывает свои суждения о поэзии и поэтах с точки зрения человека, читавшего Пастернака и Цветаеву. И характерно, что два эти имени у него предшествуют другим, приводимым как критерии, именам – они названы до Элюара, Хименеса, Рильке, Перса. Еще более примечательно, что их приоритетность подчеркнута нераздельностью, соединенностью именно двух этих поэтов. Спустя три года в письме к тому же адресату Севак вновь ставит рядом имена Пастернака и Цветаевой<sup>1</sup>. Такая сообщность, соединенность имен имела под собой общность очень значительную, а именно – соединенность, скрещенность судеб Пастернака и Цветаевой, их взаимную увлеченность (о чем свидетельствует переписка) и, что самое главное, их поэзию. Но если с творчеством совсем еще недавно трагически ушедшего из жизни Пастернака Паруйр Севак, несомненно, был прекрасно знаком, то утверждать этого же с уверенностью относительно Цветаевой мы не можем. Медленное, трудное, не без помех возвращение творчества Цветаевой началось с 60-х годов, прежде всего благодаря посвященности, усилиям дочери поэта – Ариадны Эфрон. Первое посмертное издание «Избранного» Цветаевой появилось в свет в Москве в 1961 году. Исследователю, выявляющему круг чтения Севака без знакомства с его библиотекой, может показаться, что именно с этого сборника и началось знакомство Севака с поэзией Цветаевой. Такое впечатление, однако, обманчиво, поскольку сближения с цветаевскими текстами проявляются в стихах Севака уже в сложившейся преимущественно во второй половине 50-х годов книге «Человек на ладони»<sup>2</sup>. В какой-то степени с поэтическим языком Цве-

---

<sup>1</sup> См. Севак П. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Ер., 1976 (на арм. яз).

<sup>2</sup> Следует иметь в виду, что в 50-е годы П.Севак жил в Москве, в 1951-56 гг. учился в

таевой соотносится само название книги, которое, при всей емкости его смысла, не нашло еще адекватного к себе литературоведческого внимания. Образ «ладони» один из любимых у Цветаевой, используется он и в статьях, и в стихах. «Ибо ладонь – жизнь», – пишет она в стихотворении «Неподражаемо лжет жизнь», а в «Поэме горы» сравнение – «Как на ладони поданный / Рай...». Не множа примеров, развернем здесь лишь самый из них выразительный – стихотворение «Раковина» с его образуемым «ладонями» «колыбельным домом» для зарождения и вызревания «жемчуга» (человека, человеческой жизни):

Из лепрозория лжи и зла  
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий –  
В руки, вот в эти ладони обе,

Раковинные – расти, будь тих:  
Жемчугом станешь в ладонях сих!

.....  
Спи! Застилая моря и земли,  
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном –  
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!  
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей,  
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!  
Жемчугом выйдешь из бездны сей<sup>3</sup>.

Отметим – как в порядке дополнительного аргумента, так и факта, который сам по себе заслуживает внимания, – что у Севака, большое значение придававшего поэтике заглавий, есть целый ряд стихотворений, озаглавленных в точности, как ряд стихотворений Цветаевой. «Бессонница», «Разлука», «Письмо», «Шут» и др. При заметной общности в заголовках стихотворений дает себя знать и общность в мотивах, образности, словесных формулировках,

---

Литературном институте им. Горького, с 1957 года работал в том же институте старшим преподавателем кафедры художественного перевода (преподавал армянский язык). Это обстоятельство во многом определяло и круг литературных интересов, общения, и круг чтения Севака.

<sup>3</sup> Цитаты приводятся по изданиям: **Цветаева М.** Сочинения в двух томах. М., 1980; Сочинения в двух томах. М., 1988.

вплоть до прямых совпадений. Тревоги, вызываемые в ней жизнью, Цветаева выражает в стихах, обращенных к дочери – Але, Севак – в раздумьях, обращенных к сыну. В момент отчаяния Цветаева выносит на продажу ценности души, выкрикивая: «Продаю! продаю! продаю!», Севак – наивысшую ценность: «Правду продаю – деланную!». Цветаева говорит об Анне Ахматовой как о «Златоустой Анне – всяя Руси», Севак о Комитасе – «Святейший Песни Всеармянской». Оба поэта вступают в какую-то инстинктивную, глубоко внутреннюю связь с лесом, вообще с растительным миром, шагающими деревьями, одиноким могучим дубом, текучими водами, пробивающимися из земных недр травами.

Севака вообще притягивает в поэзии Цветаевой тот трансцендентальный, метафизический слой, который составлял, по ее мнению, и ядро космической поэзии Пастернака, что она сама и сформулировала в посвящении в черновой рукописи стихотворного цикла «Двое»: «Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении – Борису Пастернаку». Из этих начал в особенности первые два суть основа поэтического второго зрения Севака: пятое время года получило определение в стихотворении «Письмо», шестое чувство – в откровениях поэмы-цикла «Наклонись, скажу на ухо» (1959) и к их комментариям в письмах поэта, по которым это произведение – для всех тех, у кого, кроме пяти, есть еще и шестое чувство (об этом Севак пишет в письме, адресованном поэту В. Овакимяну).

В другом к Пастернаку обращенном стихотворении («Провода», 2) есть у Цветаевой такие строки:

Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды  
И в рифмы сдавленные... Сердце – шире!  
Боюсь, что мало для такой беды  
Всего Расина и всего Шекспира!

И не реминисценцией ли откликается ей Севак в стихотворении «Искусство»:

Над Шекспиром подшучивает жизнь  
Своими трагическими драмами...

Этот принцип верховенства жизни над искусством, даже над самим Шекспиром побуждает Цветаеву обращаться к образам, лишь шестым чувством воспринимаемым, они же привлекают и *ее ученика – поэта армянского*. Необычное, сверхъестественное восприятие дано, к примеру, в такой цветаевской строке: «Все вижу – ибо я слепа», которой Севак, увлеченный различными поэтическими решениями «слепоты», отвечает стихотворением 1963 года «Одноглазый»:

Одним лишь глазом я смотрю на жизнь.  
(Другой мой глаз – стеклянный.)  
И одиноким этим глазом

Я вижу много... Но другим, незрячим,  
Я еще больше вижу,  
Потому что  
Мой зрячий глаз – он смотрит, а слепой...  
Всегда мечтает.

*(Перевод В. Баласана)<sup>4</sup>*

Поэтов путь, говорит Цветаева, «путь комет», «Поэтовы затмения / Не предугаданы календарем», его стезя – «гривастая кривая / Не предугадана календарем» («Поэт», 1). Севак мечтает жить по звездному календарю, взглядом обращается к звездам, говорит, что покровительствует ему Сириус, по ломаной кривой движущийся во вселенной. Цветаева воспеваает «Август! – Месяц ливней звездных!», а Севак свое стихотворение «Костер на льду» (1965) завершает таким славословием:

И еще слава богу,  
Что в нашей душе,  
Если месяцы есть листопада,  
То ведь есть и дни звездопада.  
Звездопада!

*(Перевод С. Ботвинника)*

Психологическое и словесно-образное сближение заметно и в том, как приподнято выделен у обоих поэтов седьмой день недели – воскресенье. У Цветаевой:

Я – страсть твоя, воскресный отдых твой.  
Твой день седьмой. Твое седьмое небо.

*(«Психея», 1)*

И в другом стихотворении метафора:

Серебро моё — суббота!  
Воскресенье — золото!

С днями недели сопряжены и чувства Севака. Мечта поэта, выраженная в одном из программных стихотворений: «К жиле будничного дня привить воскресенье», о том же в стихотворении «Привет»: «Да будет в одной неделе два воскресенья».

Думается, что к цветаевской метафоре:

Кусай себе, дружок родный,  
Как яблоко – весь шар земной! –

восходит у Севака такое чувство, будто, надкусывая яблоко, ты надкусываешь земной шар или солнце (стихотворения «Удивляю», «Иллюзия»).

Пусть, однако, не складывается впечатление, что Севак влечется лишь к словам, к образным выражениям любимого поэта. Приведенные примеры лишь в какой-то мере свидетельствуют о более глубокой связи, ведущей в

---

<sup>4</sup> Стихи П. Севака в русских переводах приводятся по изданию: **Севак П.** Путник. Ер., 1981.

высшие духовные и интеллектуальные сферы поэзии. В этом отношении невольно приобретает смысл автохарактеристики совет, который дает Севак Ваге Овакимяну уже в письме от 1967 года: «Будь осторожен с искусством Пастернака и Цветаевой, следуя только этому (манере письма – искусству), ты (да и любой) окажешься очень жалким, уж не говорю – устарелым»<sup>5</sup>. Прежде чем давать другому такой совет, Севак наверняка думал сам о пагубных последствиях внешне-формального следования притягательным образцам. На деле его связи с поэзией Цветаевой куда более глубокие, сущностные, а сходства в строках, словах всего только следствие глубинной связи.

При всех отличиях, обусловленных национальностью, языком, временем, полом, поразительное родство проступает в душевном складе и в судьбе Марины Цветаевой и Паруйра Севака. Безмерные, беззаконные, стихийные по сущности, они претерпевали страшные столкновения с действительностью и временем, оказывались как бы обреченными на трагедию. Цветаева воистину вправе была сказать о себе:

Что же мне делать, певцу и первенцу,  
В мире, где наичернейший – сер!  
Где вдохновенье хранят, как в термосе!  
С этой безмерностью  
В мире мер?!

«И себя самого угощаю я тем же – чувством меры...», – спустя годы будет писать Севак. Цветаева с ее «безмерной» (для обыденного сознания – неуравновешенной) сущностью в 49 лет самовольно простится с земной жизнью. Спустя ровно тридцать лет, в том же примерно возрасте по трагической случайности уйдет из жизни Севак.

Стихийность природы и нерасчисленность поведения сообщили созданиям Цветаевой и Севака явную раскрепощенность, свободу форм – бурные вспышки, напряженно-патетические тона, трагические срывы, обвалы, прозаизация.

Проистекающее из сущности родство форм особенно выступает в любовной лирике. Вообще любовная лирика – та область, в которой наиболее проявляется литературная связь: Марина Цветаева – Паруйр Севак. Драматические, часто трагические переживания, которые испытывал Паруйр Севак в сложной череде любовных историй очень близки по сути к цветаевским трагическим переживаниям любви. Отсюда и те пересечения и настроений, и форм выражения их, которые наблюдаются в любовной лирике двух поэтов.

«Я любовь узнаю по боли / Всего тела вдоль», – говорит Цветаева в одном из стихотворений. Боль с ее синонимами – характерный признак любовной лирики Севака. Доминанта боли обусловлена выбором рода любви, фатальным и добровольным одновременно. В автобиографической прозе «Мой Пушкин» Цветаева рассказывает, как знакомство, еще в детские годы, с историей любви Онегина и Татьяны предопределило все ее будущие любви: «Эта

---

<sup>5</sup> Севак П. Указ. соч. Т. 6., с. 435-436 (на арм. яз).

первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь — обрекла».

Философию невозможной, обреченной любви Цветаева чаще всего передает концептом, образом разлуки, ей посвящая и отдельные стихотворения, и цикл. Образ этот отождествляется и с самим поэтом: «Ты нынче зовешься Мариной, — разлука...»

Это мотив, отраженный в одноименном сборнике, по прочтении которого один из метров русской поэзии — Андрей Белый — создал книгу стихов «После разлуки» и вот что писал Цветаевой в 1922 году: «Ведь я после Вашей «Разлуки» опять стихи пишу /.../ после Вашей «Разлуки» — хлынуло. Остановить не могу. Я пишу вас — дальше. Это будет целая книга /.../ Я мысленно посвящаю ее вам и если не проставляю посвящения, то только потому, что она ваша, из вас, я не могу дарить вам вашего, это было бы нескромно»<sup>6</sup>.

На фоне такого уровня признания смело можно признать и то, что воздействие сквозного и многообъемлющего цветаевского концепта (образа) сказалось в стихотворении Севака «Разлука» (1961), построфно, построчно развернутом при подавляющем господстве и состоянии, переживания разлуки, и самого этого слова, вплоть до финала:

Сейчас титанический четырехтомный словарь  
Набухает единственным словом — «Разлука».

И единственной мысли во мне поднимается крик:  
Есть ли хотя бы один язык,  
Где нету этого слова «Разлука»?  
Если есть — я меняю национальность!

*(Перевод Ю. Морщи)*

Концепт разлуки предстает в любовной лирике Цветаевой в больших пространственных и временных измерениях. Разлученность в пространстве привносит в стихи приемы так называемого «почтового языка». В стихах любовной лирики часто встречаются «письмо», «телеграф», «шлагбаум» и их аналоги, очень заметные и в любовной лирике Севака. Нельзя не заметить и того, что параллельность переписки Цветаева—Пастернак и с нею связанных произведений спустя десятилетия повторится в тоже параллельном — реальном (жизненном) и художественном (стихи, поэма «Песнь песней») — «эпистолярном романе» Паруйр Севак — Суламита<sup>7</sup>. Следует сказать в этой связи и то, что для истории любви Севака Пастернак и Цветаева с их историей были наиболее близкой, родственной стихией — и психологической, и художественной.

Из сближений, замечаемых в любовной лирике, обратим внимание и на

<sup>6</sup> Белый А. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966, с. 625.

<sup>7</sup> Суламита Рудник (в замужестве Шалит), в годы пребывания поэта в Москве студентка Литературного института им. Горького, где и произошло их знакомство.



такое: головоломный севаковский афоризм «Снова не любят, любят опять»<sup>8</sup> (явившийся и заглавием, и лейтмотивом одного из стихотворений 1964 г.) как-то сообщается со строками стихотворения Цветаевой «Земное имя»:

...Все повторяю я – и все жесточе  
Снова – опять...

Вполне возможно, что на уровне чисто словесной формулы эта пара – «снова-опять» – имела источником, наряду с другими, и словарь Цветаевой.

Форма лирического монолога, применяемая Севаком в его любовных поэмах, особенно в поэме «Отступление с песней», в структурном плане явно напоминает жанровую форму посвященных, в частности, К. Родзевичу поэм Цветаевой.

Как на одно из самых ярких сближений в любовной лирике Цветаевой и Севака обратим внимание на мотив лунатика, лунной болезни.

В марте 1959 года в Москве Паруйр Севак пишет одно из лучших своих любовных стихотворений «Тоска лунатика», где переживание трагически-невозможной любви рождает образ лунатика, идущего к любимой по скользким косым крышам большого города, не боясь ни зубчатых карнизов, ни преград-громоотводов. Развернутый в стихотворении образ пораженного лунной болезнью воплощает драму невозможной, несчастливой любви.

Если бы ты вдруг из своей дали заметила  
И подала бы голос  
На вскрик похожим «ах!»,  
Испугавшись, что в опасности моя жизнь,  
Знаешь, чем бы кончилось,  
Желанная моя?

Знаешь,  
Смертью кончается,  
Если лунатика окликают.

Но нет во мне вовсе страха,  
Что упаду вниз  
И, растопив своей кровью снег на тротуаре,  
Дворника хоть освобожу от соскребания снега.  
Этому не бывать,  
Потому что ты не окликнешь,  
И не по доброте,  
А... просто по нелюбви...

*(Перевод подстрочный)*

---

<sup>8</sup> В русском переводе (В. Куприянова) стихотворение озаглавлено «Любят не снова, а вновь», в лейтмотивных же строках: «Любят (любит) не снова, а сызнава, вновь». Однако, если придерживаться смысловой и стилистической точности, у Севака сказано не «вновь» (и тем более «сызнава»), а «опять», которое, отметим, и занимает первую позицию в соответствующей словарной статье большого армяно-русского словаря.

Не вдаваясь в психиатрические, психоаналитические тонкости лунатизма, или сомнанбулизма, можно предположить, что проникновение этого мотива в поэзию, особенно в произведение любовной лирики едва ли носит, так сказать, самородный характер; он, скорее всего, хотя бы в общих чертах литературного происхождения.

Интересно, что образ лунатика, причем с употреблением той же, что у Севака, словоформой, неоднократно можно встретить в поэзии великого учителя Севака – Егише Чаренца: не раз в его поэме «Дантова легенда», в стихотворении «Видение смерти», а годы спустя в открывающем сборник «Эпический рассвет» стихотворении «Моей музе». В последнем совпадающая у обоих поэтов лексема дана как определение к любви, чем повышается вероятность чаренцевского следа в замысле Севака. Не исключая этого, мы склонны полагать, однако, что образ лунатика в стихотворении Севака и семантически, и словесно в более тесную связь вступает опять же с Мариной Цветаевой.

Мотив лунатизма, можно сказать, сквозной в лирике Цветаевой. Еще в 1914 году в одном из стихотворений она говорит: «Я – лунатик двух темных лун». Заметим, что поэт здесь себя же представляет лунатиком, в примерах же, которые можно найти у Чаренца, слово это отнесено к другим. В написанной в 1924 году и восхитившей Пастернака «Поэме конца» говорится: «Держусь, как края крыши / Лунатик...». Но интереснее всего, что годом раньше Цветаева пишет стихотворение «Луна – лунатику»:

Оплетавшие – останутся.  
Дальше – высь.  
В час последнего беспамьятства  
Не' очнись.

У лунатика и гения  
Нет друзей.  
В час последнего прозрения  
Не' прозрей.

Я – глаза твои. Совиное  
Око крыш.  
Будут звать тебя по имени –  
Не' расслышь.

Я – душа твоя: Урания –  
В боги – дверь.  
В час последнего слияния  
Не' проверь.

Положение здесь очень схожее с описанным у Севака. Уместно вспомнить и то, что в поэзии Цветаевой немало места занимают образы падения/броска вниз вообще, среди них и падения с крыши (к примеру, в «Стихах

Блоку» – «Как кровельщик падает с крыш...»). Как и в ряде других случаев, и здесь связь Севак–Цветаева включает и Бориса Пастернака. В своей статье «Эпос и лирика современной России» Цветаева характеризует Пастернака как своеобразного лунатика: «Природа явила себя через самое беззащитное, лунатическое, медиумическое существо – Пастернака».

Мы коснулись лишь нескольких проявлений литературной связи Паруйр Севак – Марина Цветаева. В дальнейшем, при внимательном сопоставительном-сравнительном рассмотрении произведений обоих поэтов могут обнаружиться и другие факты. Здесь важно и источниковедческое изучение вопроса. Тонкости творческой лаборатории Севака возможно проанализировать и прояснить, лишь тщательно изучив его библиотеку. Не располагая картиной прочтения Севаком цветаевских текстов с пометами и подчеркиваниями, мы, однако, можем говорить об этой связи как несомненной, основываясь не только на вышеизложенных наблюдениях, но и на более чем красноречивых мемуарных свидетельствах современников поэта.

Писатель Степан Аладжаджян, в 1955-57 гг. учившийся в Москве и часто общавшийся там с Паруйром Севаком, свидетельствует, что на столе у Севака «видел однажды книгу Марины Цветаевой»<sup>9</sup>. Книга эта, надо полагать, была из прижизненных изданий.

Другой мемуарист, литературовед Т. Макучян, вспоминает, как он познакомился с Севаком в 1959 году, уже в Ереване, и побывал у него дома: « – Товарищ Севак, кто ваш самый любимый поэт? – Встав с места, сказал “Светаев” и удалился. Я на коробке своих сигарет “Шипка” записал это незнакомое имя. Он вернулся с пепельницей и водой. Хочу выйти, уйти, убежать... Это “Светаев” тяжело на мне отразилось. Хотя Севак, провожая меня, несколько раз повторил, что его дверь для меня открыта, могу часто к нему заходить, но... Из-за этого “Светаев” моя встреча с Севаком задержалась на месяцы. Дело в том, что я перерыл картотеку Национальной библиотеки и не нашел поэта Светаева, обращался к знакомым молодым поэтам, к именитым, к преподавателям, ничего, кроме Михаила Светлова, ни от кого не добился. Снова обратился к редактору “Будущего врача”. Он выяснил через Паруйра: Марина Цветаева»<sup>10</sup>.

Не будем забывать, что возвращение Цветаевой еще не состоялось и многие еще не были знакомы с ее поэзией. А Паруйр Севак продолжал пленяться стихами «самого любимого поэта» и искал новых и новых возможностей общения с ним. В 1960 году в письме к Суламите Севак благодрит ее за присланные стихи, добавляя коротко: «Цветаева, как всегда»<sup>11</sup>.

Воистину – Цветаева, как всегда...

**Ключевые слова:** *литературная связь, поэтический язык, мотивы, образы*

---

<sup>9</sup> Аладжаджян Ст. Просвещенные алтари. Лос-Анжелес, 1993, с. 21 (на арм. яз.).

<sup>10</sup> «Армянский писатель», 1992, № 1, 28 января (на арм. яз.).

<sup>11</sup> Цит. по: Чархчян О. Суламита. Т. 1. Ер., 2004, с. 263 (на арм. яз.).

**ՄԵՅՐԱՆ ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ – Պարույր Սևակը և Մարինա Յվետանան** – Հոդվածում քննվում են Պարույր Սևակի պոեզիայի առնչությունները ուսումնաստեղծուհի Մարինա Յվետանայի ստեղծագործության հետ: Ցույց է տրվում, որ Սևակը հրաշալի գիտեր Յվետանայի պոեզիան, բարձր էր գնահատում այն և նկատելիորեն կրել էր բանաստեղծուհու պատկերամտածողության և բանաստեղծական խոսքի կառուցման ազդեցությունը: Հասկապես զգալի է հայ և ուսումնաստեղծների սիրերգության հարազատությունը: Հոդվածում հետևություն է արվում, որ Յվետանայի խորը և ինքնատիպ արվեստը զգալիորեն ազդել է Սևակի ստեղծագործության թեմատիկայի, փիլիսոփայության և պոետիկայի վրա:

**Բանալի բառեր** – *գրական կապ, բանաստեղծական լեզու, մոտիվներ, պատկերներ*

**SEYRAN GRIGORYAN – Paruyr Sevak and Marina Tsvetaeva.** – The article examines the literary connections between Paruyr Sevak’s poetry and Marina Tsvetaeva’s works. It is shown that Sevak knew Tsvetaeva’s poetry perfectly, highly appreciated it and had been influenced by poetess’s figurative thinking and way of constructing poetic language. The propinquity of Armenian and Russian poet’s love lyrics is a matter of special attention. The author concludes that Tsvetaeva’s deep and original art had a indubitable impact on the motifs, philosophy and poetics of Sevak’s works.

**Key words:** *literary connection, poetic language, motifs, images*

---

## ПОЭЗИЯ СОСТРАДАНИЯ *О творчестве Инны Лиснянской*

ГЕОРГИЙ КУБАТЬЯН

Заголовок этой статьи позаимствован из уведомления 1999 года – И. Лиснянской присуждена Солженицынская премия «за прозрачную глубину стихотворного русского слова и многолетне явленную в нём поэзию сострадания»<sup>1</sup>. Сама формулировка в высшей степени неординарна. Сразу видно, сочинял её не бюрократ из госкомиссии, но писатель, а в нашем конкретном случае – выдающийся писатель, умеющий изъяснять свои мысли точно и весомо.

Что касается Лиснянской, речь идёт о весьма заметной фигуре в русской поэзии последних десятилетий. У всякого поэта постепенно складывается набор особенностей и свойств, отличающий лишь его. Но мало-мальски внятно разобраться хотя бы в ряде свойств, особенностей и предпочтений – едва ли посильная задача для небольшой статьи. Потому-то попробуем ограничиться одним из двух качеств, отчётливо выделенных учредителем премии. Попутно, разумеется, затронем и прочие черты, присущие стихам поэтессы.

Премия Александра Солженицына Инна Лиснянская (1928–2014) получила в почтенном возрасте. По серьёзному счёту то было первое в её жизни литературное отличие. Правда, двумя–тремя годами раньше Лиснянской вручила свою премию «Дружба народов» – один из авторитетных «толстых» журналов, – однако при всём уважении вес двух означенных наград несопоставим. И пример Лиснянской только подтвердил максимум, которая в ту пору передавалась из уст в уста и донныне приписывается разным остроумцам, по преимуществу Корнею Чуковскому: «В России надо жить долго». Смысл её прост – или доживи до преклонных лет, или не рассчитывай, что твой труд (естественно, не сервильный, угодный и угрожающий верхам) отметят и тебе воздадут должное. С Инной Лиснянской так и вышло. После Солженицынской она дождалась и других наиболее престижных премий – официальной, Государственной, а там и сугубо профессиональной, «Поэт».

Лиснянская родилась и до 1960 г. жила в Баку. «Что касается моей “пятой графы”, – говорила она. – Мама у меня была армянка. Во мне есть кровь и русская. И французская, есть и еврейская, которая главенствовала у отца, военврача»<sup>2</sup>. Родным и, сколько можно судить, единственным языком её детства да и всей жизни был русский. Понятно, что Лиснянская русская поэтесса<sup>3</sup>, но

---

<sup>1</sup> <https://goo.gl/429cXn>

<sup>2</sup> <http://www.epochtimes.ru/content/view/43400/8/>

<sup>3</sup> В 1959 г. К. Чуковский познакомил Лиснянскую с Б. Пастернаком «и попросил почитать Борису Леонидовичу три стихотворения <...> И Пастернак, выслушав, произнёс своим неподражаемым, с гудящими перепадами голосом: “Откуда в еврейско-армянской крови, возвращённой на азербайджанской почве, такая русская музыка?”» («Литературная газета», 1999, № 44).

несколько её стихотворений – шесть или семь, – где на первый план местами проступает армянская тема, не могут не привлечь внимание читателя-армянина. Не надо только понимать эту тему слишком узко, замыкаться в ней. Ведь «армянские» стихи не выбиваются из основного русла её творчества, позволяют обобщать, и в них отражаются, как в капле воды, характерные её черты. К примеру, такая. В иных обстоятельствах эту деталь и не стоило бы, пожалуй, подчёркивать, однако здесь умолчать о ней трудно. Многие, очень многие стихи Лиснянской пронизаны христианскими мотивами, хотя те далеко не всегда бросаются в глаза, частенько растворены в тексте и не спешат из-под спуда на поверхность. Очень многие, но вовсе не все. Так вот, армянские стихи (не буду впредь оговаривать условность определения и закавычивать его) принадлежат именно к тем, где религиозный мотив очевиден. Это легко прослеживается. Стихотворение «В Гегарде» насыщено специфической лексикой (храм, горящая свеча, образа, прямое обращение к Богу); даже нейтральное понятие – *правда* – соизмеряется с неназываемой, но подразумеваемой в этом контексте истиной, понятием в значительной степени религиозным. Отчего, собственно, поэтесса роняет: «Призрачна вся моя правда»? Лишь оттого, что человеческая правда меркнет перед вышней истиной. Место действия следующего стихотворения – снова храм:

**Когда я грешить начинала  
И каялась чуть ли не впрок,  
Я в церкви армянской втыкала  
Горящие свечи в песок.**

Словам, давно приобретшим обиходное значение (*грешить, каяться*), здесь без усилий возвращён изначальный, сугубо религиозный смысл. Обращаясь к родному человеку (матери, бабушке?), героиня делает это так, что нет уверенности – не к Богу ли она, в конце концов, обращается:

**И память, и в небе лампада  
Морской освещает прибор  
И дом, виноградом повитый,  
И цвета луны виноград.  
И твой никогда не забытый,  
Всегда вопросительный взгляд.  
Под этим прямым освещеньем  
Какие ответы нужны?  
Вся жизнь моя стала прощеньем  
Моей откровенной вины.**

Задавшись вопросом, не к Богу ли обращается поэтесса, каким аргументом обоснуете вы своё сомнение? Мало того, что взгляд освещает героине жизнь, её жизнь вдобавок оборачивается прощением вины. Ну а кто же, как не высшая трансцендентная сила, может отпускать грехи...

В ещё двух стихотворениях означенный мотив едва ли не педалируется с

места в карьер: «Я, дочь армянки, крещена / В слегка подсоленной купели, / И сласть Исусова вина / Сгустилась солью в грешном теле». Другое стихотворение приведу полностью, поскольку в нём и бытовые детали подсвечены прикровенным, но всё-таки различимым смыслом:

**Что видишь ты сквозь шарфик мамин,  
Сквозь ярко-розовый шифон?  
Армянской церкви серый камень  
Бакинским ветром раскалён,**

**Как стены круглые тандыра,  
Где старики пекут лаваш.  
Нет, дымно-хлебный запах мира  
Забвению ты не предашь.**

**А вспомнишь ли на самом деле,  
В чём первая твоя вина  
И что в подсоленной купели –  
В слезе Христовой крещена.**

Наконец, ещё два стихотворения – «В Степанакерте» и «А как он был любим...», о которых речь пойдёт ниже, – без этого мотива потеряли бы глубину, а может быть, и смысл.

С религиозными, точнее, христианскими мотивами напрямую сопрягается мотив личной вины («моей откровенной вины»), столь явственный в процитированных стихах. Упоминаний о вине, не чьей-нибудь, а своей, собственной столько, что легко выстраивается целый ряд. И ведь это не просто мимо-лётный звук: упомянем и пойдём дальше. Вина глубоко переживается. Что бы где ни происходило, героиня стихов отнюдь не старается выставить кого-то виновником, она неизменно клеймит и клеймила только себя: *mea culpa*. Сильное это чувство то и дело прорывается в текст, ещё чаще невидимо растворяется в нём, будто соль в воде: «Кормлю я слово скудную едою / И мыслью о вине». Причём ощущение вины возникает и при взгляде на чужое горе: «Что моя жизнь перед этой бедою?» Вот ещё: «Кого бы я ни встречала, / Я встречала себя, / Кого бы ни уличала – / Я уличала себя». Собственная виновность, усугубляясь, обретает исполинский временной размах: «...я с войны Троянской виновата», виновата всегда и перед всеми. Так что выводы не кажутся надуманными, ни предварительный («...учусь я не искать виновного / И за грех чужой держать ответ»), ни подводный итог, окончательный: конечно, безгрешных на этом свете, скорее всего, не было и нет, «а я всех виноватее / Пред ними и собой».

Выше сказано, что мотив личной вины сопряжён у Лиснянской с религиозным чувством. Искать здесь некие психологические загадки, сложные подходы, тем более спекуляцию – напрасный труд. «А ларчик просто открывался»; всё, в общем, элементарно. Христианина, коль скоро человек идентифицирует себя таковым, его нет без покаяния, христианин обязан (обязан изнут-

ри, вовсе не внешней доминирующей силой) раскаиваться в своих проступках – и малых прегрешениях, и грехах. А покаянию предшествует признание вины. Само же покаяние невозможно без исповеди. Так вот, исповедальность – одна из ведущих у Лиснянской интонаций. Ну а всё вместе – вина, покаяние, исповедь – и привносят в совершенно нерелигиозные по характеру стихи религиозную атмосферу. Когда христианство не показной, выставаемый на люди ритуал – искренняя, чуждая показухи вера, тогда собственная вина признаётся почти мимовольно, вот отчего стихи Лиснянской полны такого рода признаниями. Признать же за собой вину требует совесть. «Мне кажется, – говорила Лиснянская, – религиозное самосознание – это, прежде всего, совесть, и совесть болящая. А разве может быть искусство совести – без чувства вины и жажды искупления? Искусство без совести – антиискусство»<sup>4</sup>. Во главу угла, мы видим это, ставится совесть, без которой нет ни религиозного самосознания, ни искусства, в нашем случае поэзии.

Всякому любителю стихов известно, что поэзия не терпит лукавства, подделать истинное чувство нельзя, точно так же не подделаешь эмоцию. Никто, кажется, не способен объяснить, как это протекает, однако неправда в поэтическом облачении распознаётся сразу. Немало стихотворцев изображают (или, верней, хотят изобразить) себя лучше, чем они на самом деле, рисуют иной раз обаятельный, иной раз идеальный образ; всё понапрасну, стих умеет просвечивать особенным рентгеном, и фальшь обнаруживается. В стихах Инны Лиснянской фальши, тем более заведомой, нет. Она не натягивает на себя личину богобоязненной прихожанки, тихони-богомолки. Потому, помимо всего прочего, что не хочет ею быть. Ей это дико.

Хотелось бы привести стороннее свидетельство. Но, прежде чем его процитировать, придётся начать издаleка. Замечательный поэт и выдающийся переводчик Семён Липкин опубликовал воспоминания о своём близком друге писателе Василии Гроссмানে. Среди прочего в них, эти воспоминания, включены письма Гроссмана из Армении с рядом интереснейших, временами точных и глубоких, временами спорных наблюдений. Вот одно из них:

«Принял меня католикос – Восген (так! – *Г. К.*) Первый – в патриарших покоях. Это светский человек в чёрной шёлковой рясе, лет 50-ти, с добрыми красивыми глазами и с губами Куаньяра<sup>5</sup>, любившего “хвалить господу в творениях его”. Католикос выпил за моё здоровье рюмку коньяка. Мы беседовали о литературе и пили чёрный кофе. Обслуживал это дело монах, молодой человек, невероятно красивый. Любимый писатель Восгена Первого – Толстой, тот, которого церковь предала анафеме. Восген – автор работы о Достоевском, он сказал мне, что без Достоевского невозможно человекознание. Всё было хорошо, интересно, но бога в Эчмиадзине я не видел»<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> «Литературное обозрение», 1990, № 4, с. 34.

<sup>5</sup> Куаньяр – герой трёх философских повестей Анатоля Франса.

<sup>6</sup> Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А. Прощание. М., 1990, с. 83.



Эта (разумеется, субъективная)<sup>7</sup> заметка о встрече с армянским католиком не имеет вообще-то связи с нашей статьёй. Но предшествует важному для нашей темы полемическому наблюдению С. Липкина:

«Я прерву выписки из армянских писем В. С. Гроссмана, чтобы сказать несколько слов о Вазгене (так правильно – не Восген, как у Гроссмана, – пишется имя католика всех армян).

Я тоже имел честь быть представленным католику, когда мы вместе с Инной Лиснянской приехали весной 1972 года в Эчмиадзин. В один день с нами католикос принял известную актрису из Латинской Америки Лолиту Торрес. С ней католикос говорил по-испански, со мной – по-немецки. Он сказал, что мы хорошо поступили, приехав в Армению в печальную годовщину геноцида 1915 года. Он обворожил нас своей приветливостью, его прекрасные глаза лучились умом и добротой. В отличие от Гроссмана, я увидел в нём человека, глубоко и простодушно верующего. Истинное религиозное чувство всегда явственно, всегда открыто собеседнику»<sup>8</sup>.

Мысль, высказанная в последней фразе, напрямую затрагивает творчество Лиснянской. Религиозное чувство в нём явственно; тут нет игры. Перед нами сугубо светские, сугубо мирские стихи, но так как их автору присуща религиозность, они не могут её не выразить. Это свойство не выпячивают и не прячут, это данность, её нельзя не принять.

**И то сказать – мозги мои убоги.  
Не ради хлеба иль какой опеки  
Я многим целовала руки-ноги.  
Я находила Бога в человеке,  
А человека находила в Боге.**

**Ударь по правой – левую подставлю,  
От удивленья разве что промажешь,  
Но я своих привычек не исправлю,  
Лицо умою, волосы поправлю.  
И то сказать – да ничего не скажешь.**

«Я своих привычек не исправлю», только и всего. Другое дело, что понимать под привычками. Вероятно, личность героини стихов, совокупность её человеческих качеств и душевных пристрастий.

Продолжим выписку из воспоминаний С. Липкина: «Началась молитва поминовения усопших (жертв геноцида. – Г. К.). Во время богослужения католикос молчал, проповедь произнёс необычайной, благородной красоты священник. Никогда не забуду стройного, многоголосого пения хора, овладевшего мною чувства соединения с вечной правдой, чувства живого торжества жертв над палачами. Инна Лиснянская, армянка по матери, плакала и крестилась»<sup>9</sup>.

---

<sup>7</sup> Напомню, перед нами фрагмент частного письма, не предназначенного для печати.

<sup>8</sup> Липкин С. Указ. соч., с. 83–84.

<sup>9</sup> Там же, с. 84.

Примечательно, что впечатления, полученные на этой эчмиадзинской литургии, вылились у Липкина в стихотворение «Годовщина армянского горя». Примечательно также, что Лиснянская стихов, навеянных этим событием, которое, несомненно, на неё подействовало, не написала. Налицо странность, относимая к тайнам творчества: не всякое переживание, даже сильное и бесспорное, преобразуется в художественное слово. Что конкретно заставит писателя взяться за перо, невозможно предугадать. Иной пустяк, абсолютно неразличимый в мешанине будней, имеет к этому не меньше шансов, чем общезначимая веха в истории страны. Так или иначе, в наследии Лиснянской практически не найти прямых откликов на злобу дня. Боюсь ошибиться, но, может быть, единственное исключение из этого правила мы найдём опять же среди армянских стихов.

**В родном Степанакерте –  
По бабушке родном –  
Гуляет ветер смерти  
И входит в каждый дом.**

Стихотворение «В Степанакерте» помечено 92-м годом, когда столица НКР обстреливалась, методично и прицельно, «Градом» и лежала в руинах. Иными словами, стихи по-настоящему злободневны. Замечу, что тема смерти, вошедшая в них в первой же строфе, принадлежит к наиболее распространённым у Лиснянской, особенно в поздних её книгах. Об этом нам ещё предстоит поговорить. Итак, в городе хозяйничает «ветер смерти».

**Да поживиться нечем –  
Лишь кости да зола.  
Где дом широкоплечий? –  
В нём бабушка жила.**

Далее следует долгий пассаж, отданный памяти, минувшему. Без него неожиданная концовка стихотворения, резко противоречащая с первого взгляда всему творчеству поэтессы, попросту повисла бы в воздухе, оказалась бы неподготовленной.

**...На ней сандалии грубы,  
Её забыть нельзя –  
Всегда печальны губы  
И веселы глаза.  
Она куда моложе  
Сегодняшней меня,  
Мы в сад золотокожий  
Идём в начале дня.  
Всё зрительная память  
Хранит полсотни лет,  
И абрикосов пламя,  
И винограда свет.  
На мглистых ветках груши,**

**Как лампочки, горят, –  
А возвращаясь, сушим  
На крыше виноград.**

Картинка мирного быта, во всём обычная и заурядная, самой своей заурядностью западает в душу: такое повторялось из года в год и, повторяясь, оборачивалось устойчивостью бытия, надёжностью и в конечном счёте счастьем. И мысль о том, что надёжное и, казалось бы, вечное счастье насильственно и злонамеренно разрушено вызывает отчаянные и несколько даже нелепые вопросы: «Где дом широкоплечий? / Где фрукты на столе?» Всё сгорело, минуло, невозвратно, так что горечь ответа спокойна и безнадежна: «Белеют, словно свечи, / Лишь веточки в золе». Вот откуда взялась ярость финальной строфы:

**И жажда отомщенья  
Когтит мои уста,  
Хоть и прошу прощенья  
За это у Христа.**

Жажда возмездья – паразитическое, совершенно чуждое героине Лиснянской, какой мы представляем её себе, побуждение. Мы только что видели – получив удар по левой щеке, она готова подставить обидчику правую. Так в чём же дело? Похоже, сострадание землякам и собственное страдание необоримы. Вообще сострадание возможно не раньше, чем чужая боль осознаётся своей. Если Тютчев прав и нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать, то и сострадание даётся только человеку благородному; тот не рассказывает, как ему больно, но всерьёз испытывает боль<sup>10</sup>. А в нашем случае сила боли подтверждается хотя бы тем, что разрушенный Степанакерт мысленно сразу же становится в ряд с разрушенным Шуши (поэтесса, понятно, пользуется принятым в русском языке географическим названием Шуша). Вот строфа из написанной ещё в 1984 году поэмы «Ступени»; действие происходит в середине 1930-х:

**...Мы проводим лето  
В безлюдной, турками порушенной Шуше,  
Где что ни дом — то каменный скелет,  
Я куклу нянчу в пустоте скелета,  
А папа прячет жизнь и партбилет.  
Белеет брынза на пятнистом лаваше,  
Овечка жарится на примусном огне,  
И мама арии поёт из опер,  
Мелькает бабочкой цирюльник Бомарше...  
Молчат меж балок звёзды... О резне  
Лишь виноград вопит меж серых рёбер.**

---

<sup>10</sup> «Инна Лиснянская с раннего возраста была проникнута чувством сострадания, и это чувство прошло через всю её жизнь». Этими словами начал А. Солженицын слово при вручении поэтессе своей премии («Литературная газета», 19 мая 1999).

Через два десятилетия тот же разрушенный город возникнет в стихотворении «Виноград»:

**В Москве снегопад. В глазах — виноград,  
Как соболев седой,  
Покрытый золой и пеплом утрат,  
Взращённый бедой.  
Под масками снов из дальних годов  
Зияют душе  
Скелеты домов, скелеты домов  
В армянской Шуше.  
С безумным чутьём домашних зверей,  
А не наугад  
В глазницы окон, в провалы дверей  
Ползёт виноград.  
Растенье не зверь, хоть может ползти,  
И я не цветок.  
Я – сон во плоти и в тёплой горсти  
Сжимаю снежок.**

Два разделённых долгими годами стихотворения роднят между собой два прозрачных образа – скелеты домов и виноград. Первый из них олицетворяет смерть, а второй жизнь. И вовсе нет уверенности, что жизнь одолевает извечную свою соперницу. Да, в 30-е годы ситуация вконец угнетала: виноград («малютка-жизнь», если вспомнить образ Арсения Тарковского, близкого Лиснянской поэта-современника) только и мог, что вопить, а ему безучастно внимали те самые скелеты; в новейшее время положение чуть отраднее: виноград ползёт, отвоёвывая себе пространство, не сдаётся. Но победит ли? Неясная перспектива тотчас отсылает к уже классическому стихотворению «Фаэтонщик» Осипа Мандельштама:

**Так, в Нагорном Карабахе,  
В хищном городе Шуше  
Я изведал эти страхи,  
Соприродные душе.  
Сорок тысяч мёртвых окон  
Там видны со всех сторон  
И труда бездушный кокон  
На горах похоронён.  
И бесстыдно розовеют  
Обнажённые дома...**

Вспомнить «Фаэтонщика» заставляет имя собственное, чужое русскому слуху, рифма, соединяющая это имя с душой, ряд слов: окна (там и тут, заметьте, в родительном падеже), дома (в одном случае – их скелеты, во втором – обнажённые, что, можно сказать, одно и то же, потому как обнажённые дома суть остовы строений, их скелеты). Главное же, роднит их исход поединка жизни со смертью, совершенно неясный. Ведь у Мандельштама мёртвые окна,

бездушность, разрушенные дома, похороны – весь этот беспросветный массив ещё не подавил остатки жизни, недаром же мёртвые дома розовеют (иначе говоря, в них теплится дыхание), и розовеют бесстыдно – невзирая ни на что, вопреки всему. С другой стороны, скелеты домов и провалы дверей – область или подтекста, или даже подкорки. Почему? Приведу несколько строк из этюда Н. Я. Мандельштам, посвящённого стихотворению «Фаэтонщик»: «Мы прошли по улицам, и всюду одно и то же: два ряда домов без крыш, без окон, без дверей. В вырезы окон видны пустые комнаты <...> Дома из знаменитого розового туфа (Вот почему в «Фаэтонщике» они «розовеют». – Г. К.), двухэтажные. Все перегородки сломаны, и сквозь эти остовы (Сравните со скелетами у Лиснянской. – Г. К.) всюду сквозит синее небо»<sup>11</sup>. Маловероятно, чтобы, сочиняя стихи, Лиснянская заглядывала в комментарии Н. Мандельштам. И столь же маловероятно, чтобы она помнила их едва ли не дословно. Значит, обращаясь к использованному в «Фаэтонщике» материалу, поэтесса извлекла из подсознания те же, в сущности, детали. Наконец, соприродные душе (то есть близкие, понятные, точно так же переживаемые) страхи у Мандельштама – двойники всегдашнему состраданию у Лиснянской.

Продолжим сопоставление. Мандельштам описал следы страшного погрома, случившегося в 1920 году; Лиснянская, вспомнив о нём (или о них – и поэте, и погроме), запечатлела в стихах следы бакинского погрома 1990-го, когда «по имперской, видимо, вине / То ли сгорел, то ль просто был снесён / Мой дом». Сделать это было, если воспользоваться словечком Солженицына, «невподым»:

**...лучше впасть мне в немоту,  
Чем про армянский говорить погром.  
И про родню, исчезнувшую в нём.  
Нет, даже плакать мне не вмоготу.**

Но сказать о немоте легче, нежели соблудности. Лиснянская не впервые заговорила на мучительную для неё тему. Впрочем, всякий раз этот разговор оказывался слишком эмоциональным, обрывочным, скомканным. Однако – парадокс – именно то, чему надлежало сказать, в нём и сказывалось. Вот она заговаривает о городе, где родилась:

**А как он был любим  
От гор до парапета –  
Над Каспием седым  
Под сенью минарета!  
Теперь лишь дальний гром  
Напоминает грохот  
На берегу, где ртом  
Открытым дышит город.  
Теперь там – Боже мой! –  
Теперь там – Боже правый! –**

---

<sup>11</sup> Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама». Воронеж, 1990, с. 211.

**След нефти за кормой.  
А на песке – кровавый.  
Теперь там больше нет  
Ни родичей, ни крова,  
А только ржавый след  
Армянского погрома.  
Армянской церкви медь –  
Как вырванное небо...  
И мне б окаменеть,  
Как некогда Ниоба.**

Финальное сравнение чрезвычайно здесь уместно. Рассказ о Ниобе не самый популярный из греческих мифов, и нелишне вкратце напомнить его. Многочисленное потомство Ниобы – то ли по семь, то ли по десять сыновей и дочерей – было умерщвлено, мать, убитую горем, обратили в камень. Абсолютное попадание сравнения в цель обусловлено не только внешним эффектом («и мне б окаменеть»), а в первую голову точностью подтекста, причиной горя – многочисленными человеческими жертвами, обильной жатвой смерти. Лиснянская во время войны «ещё подростком, чтобы выжить, устроилась санитаркой в одном из самых страшных мест – госпитале лицевого ранения, о чём через много лет написала душераздирающий веночек сонетов»<sup>12</sup>, – в своём этюде о поэтессе заметил Е. Евтушенко. *Душераздирающий* – слово мощное, может быть, излишне бьёт по нервам, однако же так оно и есть: стихи Лиснянской с трагической подоплёкой (такой, как армянский погром) относятся, с позволения сказать, к сильнодействующим. «Она совершенно замечательный лирик, особенно в коротких стихах, – зафиксировал своё отношение к миниатюрам Лиснянской И. Бродский, – это стихи чрезвычайной интенсивности»<sup>13</sup>.

Короткое высказывание Бродского о Лиснянской вообще насыщено смыслами, точнее, цепочкой конкретных мыслей, так что резонно привести его целиком. Оговоримся только, что прозвучала реплика будущего нобелиата в то время (продлившееся семь-восемь лет), когда после скандала с альманахом «Метрополь» и выхода Липкина и Лиснянской из Союза писателей два поэта могли печататься только на Западе.

Вернёмся к мнению Бродского: «Из того, что я читал в последние годы, особенно в “Континенте”, стихи Лиснянской произвели на меня особое впечатление. Русский поэт, да и вообще поэт – всегда продукт того, что написано до него, он начинает, отталкиваясь или, наоборот, по принципу эха. Единственное эхо, которое я отчётливо различаю в стихах Лиснянской, – эхо ахматовское, и слава Богу. – Далее следует фраза, процитированная выше. И затем: – Из всех русских поэтов, которых я знаю на сегодняшний день, Лиснянская, может быть, точнее, чем кто иной, пишет о смерти, это действительно самое

<sup>12</sup> «Новые известия», 27 мая 2011 // <http://www.newizv.ru/culture/2011-05-27/145256.html>

<sup>13</sup> «Русская мысль», 3 февраля 1983 // [http://poet-premium.ru/laureaty/lisnyanskaya\\_buklet.html](http://poet-premium.ru/laureaty/lisnyanskaya_buklet.html)

прямое отношение с “предметом”, о котором она говорит. А это ведь одна из самых главных тем в литературе».

Лиснянская пишет о смерти много, но в стихах нет инерции. Стих упруг, а подход к изъезженной теме нов и неожидан:

**Заглядывает в глаза, дёргает за рукав  
И тащит меня в сторонку,  
Жизнь мою клянчит, слезами ко мне припав,  
Ну, как отказать ребёнку?  
Глажу по голове, холодной, как в стужу медь,  
Хотя этот август жарок:  
На что тебе жизнь моя, милая девочка-смерть?<sup>14</sup>  
Она никому не подарок.**

Стихотворение разрабатывает изъезженную, как и сказано, тему. Смерть, смерть и жизнь, жизнь и смерть – эти слова фигурируют у Лиснянской во всех мыслимых сочетаниях и падежах. Удивительно вот что. Минорная нота берётся то высоко, выше некуда, то гораздо ниже и глуше, но тональность остаётся здесь и там одной, неизменной. И не нагоняет уныния, не повергает в меланхолию. Должно быть, оттого, что смерть – обыденный персонаж в драме бытия; когда главный, когда третьестепенный, но непременный. Без этого действующего лица драмы не получилось бы, потому что исчезло бы действие, потому что коллизия, сюжет истаяли бы на корню. Но бытие – философская категория, высокий штиль. А Лиснянская заземляет исполненную значительности философскую категорию, переводит бытие в быт. Она воспринимает эту тему на разных уровнях. Именно так – «На разных уровнях» – и называется стихотворение, лишь отдалённо к смерти прикосновенное. Впрочем, её мотив и во многих других опусах если даже слышится, то под сурдинку. Частенько поэтесса рассуждает о ней не в лоб, а попутно, вскользь. Ибо смерть у неё завсегдатай, не столько гостя, сколько такая же, как и хозяйка, жилища в общем доме, всегдашняя собеседница, чуть ли не наперсница. Бытийная категория преобразена в бытовую.

Что до меланхолии, которой нет и в помине, так откуда ж ей взяться? При подобном-то подходе к предмету:

**Со смертью пью вино, играю в домино –  
Ни солоно, ни постно.  
Печалиться смешно,  
А радоваться поздно.  
.....  
Давно, утратив стыд, на улице горит  
Фонарь воспоминаний  
И с голых аонид  
Срывает одеянье.  
А голое окно поёт мне всё равно  
Пронзительным сопрано:**

---

<sup>14</sup> Девочка-смерть, заметим, аукается по контрасту с малюткой-жизнью А. Тарковского.

**Надеяться смешно,  
Отчаиваться рано.**

Вот оно как – отчаиваться рано! Поэтессе, замечу, девятый десяток.

С постоянным лейтмотивом автора сопряжены, сплетены, накрепко повязаны ещё три-четыре постоянных мотива: память, одиночество, старость. А толкуя про них, поэтесса говорит о веке, ценностях, именуемых непреходящими, слове. Ну и вкупе, за компанию со всем этим, а не поврозь – о дождике, слякотных облаках, и цветах, и птахах.

Особая статья – целомудрие, с каким Инна Лиснянская подступает к обоюдоострой своей теме. Вот одна из последних её прижизненных книг – «Перемещённые окна». В первом разделе мотив едва намечается. Смерти как таковой здесь ещё нет. «Сколько прочитано, столько и прожито – / Тысяча жизнью и тыщи смертей». Это пассаж из первой же в книге строфы. «Тыщи» смертей – абстракция, вовсе не равная неотвратимой твоей смерти. В разделе – четыре десятка стихотворений. Ты бродишь вокруг да около смерти, чуешь её дыхание, но видеть её не видишь.

А после смерть явлена чуть ли не во плоти, даже приласкать её можно. И что существенно, возникнув об руку с жизнью, в дальнейшем она так и не расстаётся с ней, во всяком случае, надолго: «Жизнь и смерть – сиамиские близнецы», «Наша жизнь не подлежит побудке, / Смерть не подлежит перекадровке». Вспомним заодно девочку-смерть – как она выпрашивает у героини жизнь. И сопоставим, что героиня (да чего уж там, сама поэтесса) думает «вдогон отбывающей жизни»: «Умереть – это тоже неплохо». Замыкая круг, я напомним: поначалу речь шла, как во сне «жизнь уплывает», а теперь уже «к верной смерти судьба плывёт». И то же, и не то. Но главное, перед нами не философические выкладки, не умствование, перед нами стихи, которые по сути своей не могут не быть оптимистичны; в самых отчаянных интонациях, если стихи вправду стихи, неизменно содержится нечто, способное пересилить отчаянье. Так и тут.

**Что же было прежде  
И навек ушло?  
Ангела надежды  
Белое крыло.**

**Что творится ныне?  
Чуждая среда –  
Ангела пустыни  
Жёлтая звезда.**

**Что случится в скором  
Времени? Зимой  
Ангел смерти в чёрном –  
Прилетит за мной.**

Обратим внимание, перед последней строкой поставлено совершенно не нужное здесь по школьному правилу тире. «Заповеди чту, – молвила как-то



поэтесса, – избегаю правил». Избегаю, сдаётся мне сейчас, означает пренебрегаю. Не вполне доверяя паузе между строками, Лиснянская сигнализирует читателю – помедли, проникнись, осмысли. Верно, картинка трагична, да только трагизм, он преодолевается сугубо литературными средствами, не одной паузой с осмыслением, а вдобавок изнутри, стихом – энергичным, очень живым (вот именно!). В совокупности подобные литературные средства зовутся мастерством.

Связана ли смерть, какой она предстаёт у поэтессы, с мистикой, метафизикой, религиозным экстазом? Вопрос уместен, ответ отрицателен. «И только перед ликом смерти / Всё обрело свои места»; двустороннее, что существенно, взято из давней книги Лиснянской «Из первых уст» (1966). Иными словами, смерть упорядочивает людскую жизнь и проливает на неё ровный итоговый свет. И к этой спокойной, разумной, твёрдой точке зрения поэтесса пришла добрых полвека назад. Отсюда свойственная стихам, о чём бы ни шла в них речь, интонация – крайне разнообразная в конкретных своих изводах и никогда не взвинченная. Перед лицом смерти всё предстаёт в истинном своём облике.

Лиснянская с досадой признаётся: «...на себе завязан мой мир узлом тугим». И стоило бы, мол, охватить стихами побольше, расширить окоём, а выше головы не прыгнешь. Искать у поэтессы болезненные социальные вопросы, болевые зоны государственной ли, народной ли жизни не стоит. Она лирик, от публициста в ней ничего. Хотя кое-каких обобщений и констатаций довольно, чтобы задуматься. К примеру, таких: «Кровопролитие неистребимо / В периоды перемен». Или: «Мало кто за собой оставляет оазис, / Мы идём, за собой оставляя пустыни»; чуть ниже: «Мы идём, за собой оставляя руины». Или: «Кроется не во времени смена эпох, / А в корневых изменениях языка». Или спокойно, как и везде, без истерики: «Ну что ж, мой друг, бывали и похуже / На свете времена». Прямая отсылка к Некрасову (который, в свою очередь, прибег к цитате: «Бывали хуже времена, / Но не было подлей») – сильный ход, образующий далёкую временную перспективу.

Здесь исследователю даётся два повода задержаться, чтобы посмотреть на стихи попристальней. Первый: взаимопроникновение времён – сквозной мотив у Лиснянской. «Путь из прошедшего в завтра» прихотлив, извилист, осложнён индивидуальным устройством ума. «Сквозь будущее прошлое продето», «Вовлекает день вчерашний / В запредельный разговор», «Прошлое – впереди», «Вчерашний день искать не надо, / Он канул в завтрашние дни». «Смешать былое с настоящим» – для Лиснянской в порядке вещей. Ну и венец этому: «И перезвон и перекличка / Времён уведомляют нас, / Что у истории привычка / Держать былое про запас». Надо лишь ориентироваться в истории, помнить об уроках, ею преподанных<sup>15</sup>.

Второй повод углубиться – переклички Лиснянской с поэтами-предшественниками. Помимо Некрасова и Мандельштама, Лиснянская мельком аукается с Ахматовой («Стихи из ничего растут, / А не из сора»), Блоком

---

<sup>15</sup> Подробней об этом в моей рецензии на книгу И. Лиснянской «Перемещённые окна»: **Кубатьян Г.** На последнем берегу // «Дружба народов», 2011, № 9 // <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/9/ku21.html>

(«Так стою, словно в хоре церковном / Нахожусь...»), Буниным (стихотворение «Чистый понедельник», кроме прямой отсылки к «Тёмным аллеям», содержит аллюзии на заглавную для него новеллу), Пастернаком («Весь город был как на ладони»), Есениным. На последнем стоит остановиться. «Вот и дожила я до расплаты, / Жизнь моя, привет тебе, привет...» Оборвана цитата с умыслом, потому что с иронией выворачивает есенинский смысл наизнанку. В «Письме матери», сообщив, я, мол, жив, герой со старушкой здороваётся. Тогда как у Лиснянской те же приветственные слова заключают в себе прощание с жизнью. Продолжим оборванную на анжамбемане фразу: «...Из ортопедической палаты, / Из спасенья никакого нет».

Ироничен здесь и смысл, и намеренный излом языка, как если бы поэтесса разучилась изъясняться связно. Далее на ироничной этой волне следует автохарактеристика: «Прочной рифмы профессионал». Усмешка в том, что из множества слагаемых мастерства выбрано то, которое почти не притягивает взгляд. У Лиснянской, конечно, в наличии богатый арсенал разного рода концевых созвучий, включая изысканные, при всём том она менее всего заморожена на этом инструменте стиха.

Её стих изначально скромно и сторонится внимания. Лишь опытному глазу с первых же страниц откроется многообразие метров, ритмов, интонаций, строфики. Кроме прочего, книги Лиснянской, как правило, мастерски составлены. Стихотворения не абы как перетасованы, нет, они расчётливо подогнаны друг к другу, часто в последующем слышишь эхо предыдущего – повторяется слово ли, группа ли слов, образ ли. Приведу несколько примеров. «А от земли до неба – ветра псалом» – это концовка. «Ветер такой, что...» – зачин соседнего стихотворения. «...В мыслях о будущем» – это последние слова; «Сквозь будущее прошлое продето» – вторая строка следующего стихотворения. «...при свете видней / И людская дорога, / И дорога теней» – финал стихотворения, в котором фигурируют, отмечу также, рассудок и сон. Следующее стихотворение начинается словом *рассвет*, и в нём поминаются вдобавок и тени, и рассудок, и сон. И таких примеров десятки. Единственный аналог этому – бесконечные словесные переключки соседних стихотворений и автореминисценции в «Камне» и последующем творчестве Мандельштама<sup>16</sup>.

Полтора десятилетия текущего века – время наибольшей известности и максимального признания творчества И. Лиснянской. О её поэзии писали за редким исключением лучшие русские критики: Наталья Иванова, Александр Архангельский, Андрей Немзер, многие коллеги по перу. Закончу свои заметки словами Станислава Рассадина: «Инна Лиснянская – один из самых значительных поэтов нашего... снова спрошу: безвременья? Времени? Как бы то ни было, она с редкостным чувством достоинства обустроила свой трагически спокойный мир, где само безвременье обрело определённую форму»<sup>17</sup>.

**Ключевые слова:** *христианские мотивы, сострадание, личная вина, армянская тема*

<sup>16</sup> Подробней об этом см. **Кубатьян Г.** Бегство в Армению и другие этюды о Мандельштаме // «Вопросы литературы», 2012, май–июнь, с. 88–99 // <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/3/kk2.html>

<sup>17</sup> **Рассадин Ст.** Советская литература. Побеждённые победители. М., 2006, с. 308.

**ԳԵՈՐԳԻ ԿՈՒԲԱՏՅԱՆ – Կարեկցանքի պոեզիա. Իննա Լիսնյանսկայայի ստեղծագործության մասին.** – Իննա Լիսնյանսկայան (1928-2014) վերջին տասնամյակների ռուսական պոեզիայի փայլուն ներկայացուցիչներից է: Խորհրդային տարիներին նրա շատ բանաստեղծություններ չեն հրատարակվել գրաքննության արգելքների պատճառով, իսկ 1979-1987 թթ. նա ընդհանրապես չէր կարող տպագրվել Խորհրդային Միությունում: 1988 թ. հետո Լիսնյանսկայան մեծ ճանաչում ձեռք բերեց, բարձր գնահատվեց գրաքննադատության կողմից, արժանացավ մի շարք հեղինակավոր մրցանակների (ՌԴ պետական մրցանակ, Սոլժենիցինի մրցանակ, «Պոետ» մրցանակ): Լիսնյանսկայան ծնվել ու մեծացել է Բաքվում. մայրը հայ էր: Բանաստեղծուհին բազմիցս անդրադարձել է հայկական թեմաների (1988-ին՝ Շուշիի, 1990-ին Բաքվի կոտորածները, 1992-ին «հայրենի» Ստեփանակերտի ավերումը): Լիսնյանսկայայի «հայկական» բանաստեղծություններում արտացոլվում են նրա պոեզիային բնորոշ հատկանիշները, որոնք էլ հենց դարձել են սույն հոդվածի ուսումնասիրության առարկա:

**Բանալի բառեր** – *քրիստոնեական մոտիվներ, կարեկցանք, անձնական մեղք, հայկական թեմա*

**GEORGI KOUBATIAN. – Poetry of Compassion. On the work of Inna Lisnyanskaya.** – Inna Lisnyanskaya (1928–2014) is a highly visible figure in Russian poetry of the last decades. Under the Soviets many of her poems could not be issued due to the censorship restrictions, and during 1979-1987 she was not published in the USSR at all. After 1988 Lisnyanskaya got her recognition, critical acclaim and some prestigious awards (RF State Prize, Solzjenicin Prize, the prize “Poet”). Born and raised in Baku (her mother was an Armenian), Lisnyanskaya repeatedly addressed herself to Armenian themes (massacres in Shushi in 1918 and in Baku in 1990, the destruction of “her dearest” Stepanakert in 1992). “Armenian verses” are not exceptional, but more than natural in the trend of Lisnyanskaya's poetry. It is shown in the paper, that they reflect characteristic features of her work .

**Key word:** *Christian motives, compassion, personal fault, the Armenian themes*

---

**ИЗ АРХИВА ЛЕВОНА МКРТЧЯНА\***  
**Письма Наума Гребнева Л. Мкртчяну**

**КАРИНЭ СААКЯНЦ**

«Я думаю, что когда, прочитав стихотворение в переводе, говорят: “Как хорошо переведено!” – это не похвала переводчику. Когда прочтут переводное произведение и забудут, что оно было написано на другом языке, а воспримут его как стихотворение того языка, на котором оно прочитано, и скажут: “Какие хорошие стихи!” – вот истинная похвала переводчику! Даже если читатели и не подумают о нем и не обратят внимания на скромную подпись под переводом». Эти слова Наума Гребнева – фрагмент их диалога с Левоном Мкртчяном, опубликованного в еженедельнике «Литературная Россия» в мае 1967 года<sup>1</sup> и записанного вскоре после посещения Гребневым Армении. До этой поездки имя переводчика у любителей поэзии ассоциировалось с поэзией народов Северного Кавказа и Средней Азии. То, что переводу Наума Гребнева будет суждено прославить вершинное произведение средневековой Армении «Книгу скорбных песнопений» Григора Нарекаци, не предполагал никто. Даже инициатор русскоязычного издания «Книги...» и организатор всех трех существующих переводов Левон Мкртчян.

Их знакомство, перешедшее в процессе совместной работы в дружбу, сначала было заочным. На блестящие переводы Гребнева внимание Левона Мкртчяна обратила сегодня известный литературовед, автор ряда статей о переводах армянской поэзии и, в частности, переводах Наума Гребнева, Магда Джанполадян, которая в те далекие годы была студенткой Мкртчяна. И Левон Мкртчян, только-только приступавший к воплощению в жизнь своего смелого замысла переиздать существовавшие удачные переводы средневековых армянских авторов и организовать новые, обратился к Гребневу с письмом. С этого письма и завязалась их переписка.

В отличие от переписки с Марией Петровых, когда в архиве Мкртчяна сохранились не только ее письма, но и несколько вторых машинописных экземпляров его собственных писем, из переписки с Гребневым, за редчайшим исключением<sup>2</sup>, сохранились только письма переводчика. По ним можно судить о содержании адресованных Гребневу писем Мкртчяна и составить представление о том, как он приобщался к армянской поэзии.

---

\* О Л. М. Мкртчяне и его архиве см. в предыдущем выпуске серии (№1, 2015), с. 16, подстрочное примечание. См. также в № 1, 2015 и № 2, 2015 публикации К. Саакянц «Из архива Л. Мкртчяна. Письма к М. С. Петровых (1965-1975)» и «Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии».

<sup>1</sup> «Литературная Россия», 1967, 19 мая, № 21, с. 20.

<sup>2</sup> Письмо Л. Мкртчяна Н. Гребневу от 1 июня 1979 г. в рамках статьи «Из архива Левона Мкртчяна. Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» опубликовано в журнале «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, № 2, с. 25.

Первое письмо датировано 30 мая 1966 года<sup>3</sup>. По нему нетрудно догадаться, что это ответ Л. Мкртчяну на его предложение перевести книгу армянского фольклора и что для этой работы Мкртчян приглашает Гребнева в Армению<sup>4</sup>.

«<30 мая 1966 г.>

Дорогой Левон.

Простите, что отвечаю с некоторым опозданием на Ваше письмо.

То, что пишете Вы – прекрасно. Если я действительно переведу книгу армянского фольклора, осуществится моя давняя мечта.

Конечно, для этого посмотреть Армению необходимо. Я рад, что Вы примете участие в работе над этой книгой и будете моим наставником и советчиком. Конечно, было бы идеально, чтобы все материалы или хотя бы значительная их часть была бы готова к моему приезду. Я думаю, что, если где-то осенью 66 года я начну работать, то в начале 67 года книга будет готова. Если издательство заключит со мной договор, будет тоже неплохо, чтобы наши толки обрели реальность. Вообще работы и обязательств у меня довольно много. Заключение договора поможет мне установить порядок и очередность моих дел. Впрочем, это дело не главное. Главное, чтобы книга получилась хорошая. Посоветуйте, что мне пока читать, чтобы как-то приобщиться к тому, что, может быть, мне будет суждено сделать.

Жду вестей и по-дружески обнимаю Вас. Н. Гребнев».

Готовность Гребнева приступить к работе сподвигла Левона Мкртчяна отправить ему подстрочные переводы, и уже через три недели Гребнев, заинтригованный подстрочниками и сразу же, не дожидаясь осени, приступивший к работе, пишет:

«<24 июня 1966>

Дорогой Левон!

Я получил Ваше письмо. Простите, что написал Вам по старому адресу, недооценил нашу действительность, которая предоставила Вам новую квартиру. Теперь буду знать. Стихи, которые прислали Вы, прекрасны. Я молю (не знаю, кого молят в таких ситуациях), чтобы меня озарило вдохновение, в какой-то, пусть даже очень в малой мере соразмерное вдохновению, озарявшему когда-то создателей этих песен. Конечно, если мне удастся осенью приехать в Эриван, это будет прекрасно. Я только что вернулся из Австрии. Это изумительная по красоте страна, хотя я уверен, что у нас есть сотни мест не хуже, а если бы обеспечить соответствующий сервис туристам, то, кто знает, может быть, мир рвался бы в Армению или Кабарду так же, как сейчас он наводняет Австрию.

---

<sup>3</sup> Гребнев очень редко датировал свои письма. В подавляющем большинстве случаев дата установлена по штемпелю на конверте и взята в скобки. (Я руководствовалась московским штемпелем и в редких случаях, когда ереванский штемпель прочитывался легче, – ереванским.) Среди писем немало и без конвертов. В таких случаях вычислить примерную дату помогало содержание письма.

<sup>4</sup> Мкртчян считал важным приобщение переводчика к истории и культуре народа, поэзию которого он переводит, и потому всех русских переводчиков, приступавших к работе над армянской поэзией, он обязательно приглашал в Армению.

Получил я письмо и от Микаэляна<sup>5</sup>. Передайте ему, пожалуйста, привет и скажите, что я рад начать нашу совместную работу. Как, по-вашему, должна быть составлена книга? Войдут ли в нее обрядовые, трудовые и воинские песни? Войдут ли стихи средневековых поэтов типа Нарикаци (простите, я, кажется, неправильно написал имя)? Включили ли в книгу пословицы? Я буду рад, если Вы поделитесь своими соображениями. Хотя, конечно, окончательно мы все решим, когда будет готова значительная часть материала. Должно ли быть предисловие к книге? И если да, то согласитесь ли Вы написать его? Вопросов у меня множество. Так бывает всегда: чем меньше знаешь, тем больше вопросов. Приветствую Вас. Н. Гребнев».

За промежутков времени между этим письмом и следующим, написанным в конце января 1967 года (то есть за полгода), Гребнев успел перевести все стихи, подстрочники которых он получил от Мкртчяна, и переслать свои переводы ему, а тот соответственно отредактировать их. Однако, судя по письму, отправленному Мкртчяну в начале февраля, Гребнев получил от Мкртчяна подстрочники не только планируемого сборника армянского фольклора, но и айренов Наапета Кучака. И, восхищенный ими, занялся их переводом в первую очередь. В результате в январе 1968 года с предисловием Левона Мкртчяна («Русский Кучак») в набор была сдана книга «Наапет Кучак. Айрены». В переводах Наума Гребнева», и летом того же года она увидела свет. Сборник же армянского фольклора в том же издательстве «Айастан» вышел в свет только через полтора года, в 1970 году. Обе книги оформлены женой Гребнева, художником-оформителем Ноэми (Мимой) Гребневой. По трем следующим письмам, кроме прочего, можно еще и составить представление, о том, как «созревало» название книги:

«<1 февраля 1967 г.>

Дорогой мой друг Левон!

Я только что приехал из Малеевки и нашел кучу Ваших чудесных писем. Первое, что я сделаю, – это постараюсь исправить мои переводы, учтя Ваши замечания. После этих исправлений я pošлю книгу в издательство. Я думаю, что когда у из-ва, вернее, у редактора сложится о ней мнение, будет иметь смысл мой приезд. К тому времени, наверное, и Вы кончите предисловие, и книгу нашу с Богом можно будет отправить в путь.

Простите, что я такой деловой человек. Если к моему приезду или до него будет еще какой-либо материал, я докончу.

Было бы хорошо, чтобы пока был согласован вопрос о формате книги и характере оформления, чтоб моя жена могла б сделать предварительные эскизы.

К сожалению, печатать в периодике старинный фольклор очень трудно, почти невозможно (у меня есть опыт). Толстые журналы не хотят, тонкие и

---

<sup>5</sup> Нансен Микаэлян (1931–1999), поэт, совместно с которым Л. Мкртчян в тот период работал над подстрочными переводами. В дальнейшем подстрочники средневековых лириков он выполнял совместно с литературоведом, специалистом по армянской литературе средневековья Аршаком Мадояном.

подавно. Тем более в год юбилея<sup>6</sup>. Но все же что-нибудь попробуем, присылайте небольшую статейку<sup>7</sup>.

В Малеевке я переведил Кайсына<sup>8</sup>. Получается новая книга его, называется она “Кизилый отсвет”. В “Юности” №1, “Знамени”, №1, в “Новом мире” №11 – стихи из этой книги. Да, что касается заглавия нашей книги. Я никак придумать не могу ничего лучшего, кроме “Песни средневековой Армении”. А. М. Пистунова<sup>9</sup> благодарит за добрые слова о ней, которые я только что прочел ей по телефону, и передает Вам привет, сопровождаемый не менее добрыми словами.

Еще раз спасибо – передайте всем привет. Н. Гребнев».

«<8 марта 1967 г.>

Дорогой Левон!

<...> Название “Прапесня” мне очень нравится, нашей общей подруге А. М. Пистуновой – тоже. “Прапесня” звучит хуже, чем “Прябблоко”, но по смыслу точнее. Недавно приезжал к нам заграничный ансамбль старинной музыки “Прамюзик”. Давайте остановимся на “Прапесня”, боюсь, что лучшего не придумаем.

Дела мои странны. Много книг должны были выйти, да не выходят по каким-то техническим причинам.

В Ереван мне бы хотелось приехать в конце марта. Если меня не раздумали пригласить, я приеду. Получил из “Лит. Армении” стихи О. Шираза. Просят перевести. Стихи мне нравятся, но для меня братья за нового поэта – это очень серьезно. Это как замужество. И хотя я уже не невинна, но я к браку отношусь серьезно. И если уж кого-то переводить, то делать это надо долго – может быть, всю жизнь. Поэтому пока я наверное переводить эти стихи не буду. Если Вас не затруднит, передайте все эти соображения тов. Баласану<sup>10</sup>.

Пошлет ли мне изд-во какую-нибудь бумагу с замечаниями или одобрением? Хорошо бы к моему приезду у редактора было бы мнение, и я на месте сделал бы исправления, если это потребуется. Привет Вам от моей жены и от Александры Михайловны. Она, кажется, тоже собирается в Ереван в конце марта. Поздравьте Ваших женщин с 8 марта. Наум».

«<21 марта 1967 г.>

Дорогой Левон!

Я недели 2-3 тому назад послал Вам письмо. Ответа не получил, и это меня беспокоит. Дошло ли до Вас письмо?

---

<sup>6</sup> 1967 – год 50-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

<sup>7</sup> Как видно, Л. Мкртчян просил Гребнева опубликовать в московских изданиях свое слово и какие-то выдержки из готовившегося к изданию сборника «Прапесня» и тем самым проанонсировать его.

<sup>8</sup> Известный советский поэт, классик балкарской поэзии Кайсын Кулиев (1917–1985). Друг Наума Гребнева (а затем и Левона Мкртчяна).

<sup>9</sup> Завотделом еженедельника «Литературная Россия» искусствовед Александра Михайловна Пистунова. Ее любовь к Армении и к армянским художникам нашла отражение в ряде посвященных им ярких очерков.

<sup>10</sup> Баласан Вруйр (Юрий) (1914–2000), поэт, переводчик армянской поэзии и прозы. В эти годы заведовал отделом художественной литературы журнала «Литературная Армения».

Я писал, что в конце марта хотел бы приехать в Ереван. Конец марта – начало апреля – это единственное вероятное время, когда я смогу приехать. Пожалуйста, сообщите, возможен и желателен ли мой приезд. Если по каким-либо причинам из этого ничего не получится, думаю, что тоже не так уж будет страшно, хоть и жалко.

“Прапесня” – название, по-моему, хорошее. Давайте остановимся на нем.

Привет от А. М. Пистуновой. Она тоже собирается в это время в Ереван.

Получил письмо от А. Варжапетян.

Привет, жду ответа. Н. Гребнев».

Гребнев дождался не только ответа на свое письмо, но, как и просил, приглашения на начало апреля. Зная Левона Мкртчяна, можно не сомневаться, что задержка ответа на письмо от 8 марта была вызвана тем, что на высказанное переводчиком пожелание приехать в Армению Мкртчян мог ответить только конкретным сообщением о точной дате приезда и четком графике пребывания в Ереване, причем пребывания максимально плодотворного. А чтобы это обеспечить, требовалось время.

В дневнике Левона Мкртчяна 1967 года сохранились записи, в которых в какой-то мере отражено содержание и характер их общения с Гребневым в Ереване:

«2 апреля 1967 г.

Сегодня с женой приехал Гребнев.

Говорили об “оптимистах”, вспомнили тост о Льве Ошанине (“Дорогой Ошанин, ты самый крупный оптимист. Знаешь Байрона? Был он лордом, имел красивую жену, красивых любовниц, был гениальным поэтом, но был пессимистом. А ты, дорогой Ошанин, оптимист”).

Гребнев:

– Когда человеку хорошо, он уже не пишет.

— —

Я сказал, что пишу выступление: “Перевод и авторская индивидуальность переводчика”, что мне трудно проследить авторскую индивидуальность тех переводчиков поэзии, которые не пишут собственных стихов. Если есть собственные стихи, есть что сравнивать.

Гребнев:

– Почему? Можно и в таких случаях, я не говорю о себе, проследить индивидуальность переводчика, сравнив разные переводы из разных авторов. Переводчика можно всегда узнать.

— —

Гребнев:

– Плохо переведен Рильке. Вот Пастернак перевел хорошо.

Затем просит, чтобы жена прочла стихотворение Рильке о Христе и Магдалине. Жена прочла на немецком, читала чудно и перевела, разумеется, подстрочно.

Гребнев:

– Хорошее стихотворение всегда получается и в подстрочнике.

— —



Много и восторженно говорил Гребнев о Чуковском:

– Нет такого дня, чтобы он не сделал доброго дела. Вот кому надо бы присвоить звание Героя социалистического труда.

– –

Высоко говорил о Петровых:

– Она себя растрчивает. Ей дали на рецензию мои переводы. Она указала все неудавшиеся места, предложила свои варианты. Сидела дней десять над этим, а надо было работать часа два.

– –

4 апреля 1967 г.

– Как вы передаете национальную специфику?

– Я стараюсь, чтобы стихи, скажем, таджикские, не были похожи на аварские. Но как это делаю, не могу сказать.

– –

– Армения мне очень нравится, я хочу переводить еще. Давайте сделаем сборник народных песен и еще сделаем Нарекаци. Попробуем передать его свободный стих.

6 апреля 1967 г.

Гребнев:

– Ко мне здесь все обращаются по-армянски. Я вполне мог бы сойти за глухонемого армянина.

– –

Гребнев получил гонорар, а я – зарплату, и мы спорили, кто из нас богаче. Гребнев рассказал:

– Есть прекрасная притча: портной спрашивает у своего друга: “Как ты думаешь, кто самый богатый человек на свете?”

– Царь!

– Если бы я был царем, – отвечает портной, – я был бы еще богаче.

– Почему?

– Я бы еще в свободное время шил.

– –

Были у художника Геворка Григоряна. Очень понравилось Гребневу и жене Ноэми. Гребнев говорил, что Григорян ему больше понравился, чем другие художники:

– Я полюбил Армению, и если бы не видел Джотто<sup>11</sup>, то мое представление об Армении было бы неполным или неправильным”.

7-14 апреля 1967 г.

– Я считаю, – говорит Гребнев, – что подстрочник – проверка стихотворения. Ритм, рифма как-то скрашивают плохой стих, но когда делаешь подстрочник, сразу видать, как все это беспомощно. Подстрочник – это обнажение.

– –

13 апреля были у Эдуарда Топчяна. Топчян принял Гребнева очень горячо и сказал, что, если Гребнев будет переводить армян, у нас появится

---

<sup>11</sup> Многие из своих работ Геворк Григорян подписывал псевдонимом «Джотто».

еще один Брюсов. Топчян очень хотел, чтобы Гребнев перевел Нарекаци и народные песни.

— —

Гребнев говорил, что он стесняется своей книги стихов. Но очень любит свои переводы. Он считает, что если в нем есть что-то, так это талант переводчика.

— —

Много говорил о Нарекаци: «Я его переведу, если найду форму. Свободного стиха на русском в общем-то нет. Надо найти форму для Нарекаци. А такой скорбный стих я очень люблю. Если найду форму, то быстро переведу»».

Приезд Гребнева в Армению способствовал зарождению дружбы между ним и Мкртчяном. Сразу после возвращения из Армении меняется тональность писем, на смену официальному «вы» приходит дружеское «ты». Что касается армянской поэзии, то, побывав в Армении, прикоснувшись к истокам ее культуры, Гребнев в опубликованном в «Литературной России» и уже упоминавшемся диалоге с Левоном Мкртчяном говорит: «...Армянскую поэзию переводили многие талантливые и достойные поэты. Однако, когда подумаешь о том, что переведено, скажем, из грузинской или таджикской поэзии, становится понятно, что армянская классическая и народная поэзия русскому читателю известна гораздо менее.

Я думаю, что многие великие страницы армянской поэзии ждут своего открывателя. Конечно, очень странно, что «Книга скорби» Нарекаци до сих пор еще не переведена на русский язык. А между тем, переведенная на французский язык, она была принята во Франции очень горячо». И дальше, в ответ на вопрос Мкртчяна о ближайших планах<sup>12</sup> Гребнев продолжает: «Армению и армянскую поэзию я полюбил, как мне кажется, навсегда. Трудно сейчас загадывать, но, если у меня будут силы, я буду переводить стихи армян до конца своих дней. Первое, что мне хочется сделать, – это перевести лирический фольклор и избранные главы из «Книги скорби» Нарекаци. Получится ли у меня это – не знаю. Ни один литератор не знает, как получится работа, которую он еще не сделал. Да и получилась ли хорошо работа, которая уже им сделана, он, как правило, тоже не знает».

Конечно, Гребнев неслучайно заговорил об избранных главах из «Книги скорби». Именно тогда, в середине 60-х, Левон Мкртчян загорелся идеей издать «Книгу...» на русском языке<sup>13</sup>. К приезду Гребнева в Армению реализация этой идеи успела приобрести явственные очертания: совместно с Вазгеном Геворкяном<sup>14</sup> Мкртчян подготовил подстрочники нескольких глав и разо-

---

<sup>12</sup> Левон Мкртчян: «Мне бы очень хотелось, чтобы вы продолжили вашу работу над переводами с армянского, хотелось бы узнать о ваших планах. Работа, удачно начатая, должна быть продолжена».

<sup>13</sup> Подробно об этом см.: **Магда Жанполадян**. Левон Мкртчян – «открыватель» «русского» Нарекаци // «Пусть не гаснет свет в окне Левона». Ер., 2004, с. 281-293 (также в кн.: Григор Нарекаци и духовная культура средневековья. «Книга скорбных песнопений», подстрочные переводы М. Дарбинян и Л. Ханларян. М., 2010, с. 271-280).

<sup>14</sup> Геворкян В. А. (1923–2002) – литературовед, переводчик, за перевод на современный армянский язык «Книги скорбных песнопений» Нарекаци в 1980 г. удостоен премии

слал тем из русских поэтов-переводчиков, кто, по его мнению, мог бы пересоздать «Книгу скорби» на русском языке. Наум Гребнев был одним из них. После посещения Армении тема Нарекаци в письмах Гребнева стала возникать все чаще. Возникла она уже в первом же после возвращения в Москву письме:

«<18 апреля 1967 г.>

Дорогой Левон!

Только что получил твое письмо. Поздравляю с крупной победой демократических сил! Наряду с победой левых сил во Франции, а также с избранием мэром города Токио прогрессивного деятеля, Ваша победа является значительным вкладом.

Еще раз спасибо тебе, миленький, за любовь и заботу, которые сделали наше пребывание в прекрасной стране прекрасным. Дома у нас все по-прежнему. <...> Я хочу поехать в “Переделкино” поработать. Надо кончить две книги: Кайсына и афганского фольклора.

Был в “восточном из-ве”. Закинул удочку об издании книги средневековой арм. поэзии, куда бы вошли айрены, Нарекаци и др. поэты средневековья. Можно ли назвать тебя в качестве составителя, автора предисловия и подстрочников? Пока особенно не говори об этом, потому что еще ничего неизвестно, а если узнают, то это будет поводом невключения в ваши планы книги Нарекаци<sup>15</sup>. Но заявку я все-таки подал. Если запланируют такую книгу на 69 или 70 год, будет здорово. Дожить бы!

Армению мы с Мимой вспоминаем, как сказку. Как все наши друзья? Передай Ваагну<sup>16</sup>, что я встретил Корнилова<sup>17</sup>, и тот мне сказал, что книгу переводить уже кончает<sup>18</sup> и напишет Ваагну письмо. Как жена Вигена<sup>19</sup>? Как Леня Гурунц? Передай всем привет! Привет изумительному Сагателу<sup>20</sup>, Ире<sup>21</sup> и прочим милым дамам. Я всех очень полюбил. С людьми, как с книгами. Есть книги, о существовании которых не подозреваешь. Но вот прочтешь и становится ясно, что без них ты уже жить не можешь.

Целую тебя и всех. Н. Гребнев».

---

им. Ст. Зорьяна.

<sup>15</sup> Книга, о которой идет речь, вышла в свет в 1969 году. Это была маленькая книжка в мягкой обложке, куда вошли переведенные Гребневым 6 глав из «Книги скорби» и 3 песни (тага). См. об этом: **Джанполадян М.** Книжка-открытие // «Голос Армении», 2014, 9 сентября.

<sup>16</sup> Ваагн Давтян (1922–1996) – поэт, драматург, переводчик, публицист. Заслуженный деятель культуры, лауреат Государственной премии Армении.

<sup>17</sup> Владимир Корнилов (1928–2002) – поэт, прозаик, переводчик, критик. Переводил произведения армянских поэтов.

<sup>18</sup> Книга, о которой В. Корнилов сказал Гребневу, вышла в свет в издательстве «Советский писатель» (**Давтян В.** Летний зной. Стихи. Перевод Вл. Корнилова. М., 1968).

<sup>19</sup> Виген Хечумян (1916–1975), писатель, знаток древней и средневековой армянской культуры, автор подстрочных переводов, по которым Гребнев работал над айренами Кучака и фольклором. В 1975 году Л. Мкртчян со своим предисловием и примечаниями издал двуязычный сборник «Сто и один айрен», куда вошли оригиналы на среднеармянском языке, переводы (в том числе Наума Гребнева) и подстрочные переводы, выполненные Л. Мкртчяном.

<sup>20</sup> Сагател Арутюнян (1921–2005), поэт, прозаик, драматург, переводчик. Заслуженный деятель культуры Армении.

<sup>21</sup> Ирина Карумян, издательский редактор сборника «Наапет Кучак. Айрены».

В 1972 году в Ленинграде в Большой серии «Библиотеки поэта» с предисловием Левона Мкртчяна («От “Рождения Ваагна” до Саят-Новы») вышел в свет составленный им антологический сборник «Армянская средневековая лирика». Большинство вошедших в сборник переводов было выполнено Наумом Гребневым. Первые упоминания о будущей антологии в письмах Гребнева начинают появляться с 1967 года, спустя короткое время после того, как переводчик приступил к работе над айренами Кучака и армянским фольклором. (А по возвращении из Армении – и над отрывками из «Книги скорби» Нарекаци). Вначале о сборнике говорится как о желательном проекте, в дальнейшем начинается обсуждение связанных с ним каких-то конкретных вопросов.

«<16 июля 1967>

Дорогой Левон.

Я был в Малеевке, а теперь в Риге. И не успел ответить, получив твое письмо.

Написал ли ты в Ленинград? Получил ли ответ? Я освобождаюсь от своих обязанностей, чтобы к осени начать. Вообще-то надо уже приступить к делу. Что творится в Ереване? “Спустили” ли “Прапесню”? Включили ли в план Нарекаци? В. Лившиц передал мне от тебя привет. Мима очень гордится письмом, которое ты написал ей, и украдкой перечитывает его. Новостей особо никаких. Я рад нашей популярности в гор. Борисоглебске<sup>22</sup>. Мечтаю прославить себя также в Вышнем Волочке и Канотопе. Передай привет всем милым моему сердцу армянам. Буду здесь до 5. VIII. Н. Гребнев».

Судя по вопросу Гребнева, уже к июлю 1967 года рукопись «Прапесни» была сдана в издательство, однако к моменту написания этого письма она не только не была, выражаясь словами Гребнева, «спущена» в производство, но даже не была включена в издательский план 1968 года<sup>23</sup>. Об этом свидетельствует следующее письмо Гребнева, в котором, кстати, наряду со средневековой поэзией «появляется» еще и Ованес Туманян.

«<28 сентября 1967>

Дорогой Левончик.

Спасибо за письмо. <...> Начал переводить Туманяна. Идет довольно туго, хотя четверостишия мне очень нравятся. Говорили, что их 65, но у меня только 44. Узнай, это так надо, или что-то потерялось.

---

<sup>22</sup> В июне 1967 года Л. Мкртчян выступал на научной конференции в Борисоглебске (Воронежская область). Его доклад, посвященный авторской индивидуальности переводчика, был отмечен в местной прессе. В отчете о конференции, опубликованном 30 июня в воронежской газете «Коммуна», журналисты В. Свительский и В. Скобелев сообщали: «Доклад Л. М. Мкртчяна (Ереван) содержал ряд интересных соображений о переводчике как об авторской индивидуальности». По всей видимости, в своем докладе Мкртчян ссылался на авторскую индивидуальность Гребнева и его подход к переводимому оригиналу, о чем после конференции он и сообщил переводчику.

<sup>23</sup> Книга была включена в план 1969 года и, соответственно, сдана в набор в августе 1969 года, и только в январе 1970 года ее отправили в производство.

У вас – я знаю – сейчас юбилей. Там будет Кайсын. Он тебя найдет. Полюби его – он хороший.

Планов своих я не знаю. Хотелось бы приехать с Мимой к вам. Включат ли Нарекаци и фольклор в издательский план?

Целую тебя. Не забывай. Передай привет всем хорошим армянам и не армянам. Наум».

Как и в случае со средневековыми авторами, Туманяном Гребнева «заразил» Мкртчян<sup>24</sup>. К этим переводам Гребнев приступил вскоре после того, как начал переводить поэзию средневековья.

К столетнему юбилею поэта (1969 г.) в свет было выпущено несколько изданий. И ко всем ним Наум Гребнев имеет самое непосредственное отношение: в его переводе и с послесловием Л. Мкртчяна в 1968 году увидела свет маленькая книжка «Ованес Туманян. Четверостишия», спустя несколько месяцев в том же издательстве «Айастан» с предисловием Корнея Чуковского вышел в свет небольшой сборник баллад (в сборнике они представлены как «сказки». – К. С.) Ованеса Туманяна «Пес и кот», куда наряду с двумя переводами С. Маршака («Пес и кот», «Капля меда») вошла и «Смерть мышонка» в переводе Гребнева. В том же 1969-м, «туманяновском», году был издан составленный Леоном Мкртчяном совместно с Леоном Ахвердяном<sup>25</sup> трехтомник великого поэта, куда, помимо четверостиший и «Смерти мышонка», вошли еще несколько переводов Гребнева.

Уже говорилось о том, что Гребнев был не единственным переводчиком, кому Мкртчян отослал подстрочники «Книги скорби» (а может, и отдал их во время пребывания Гребнева в Ереване). Будучи в курсе литературного процесса огромной страны и имея определенное представление о творческих возможностях тех или иных переводчиков, Мкртчян с предложением перевести отдельные главы поэмы обратился и к замечательному русскому поэту Александру Межирову<sup>26</sup>. Гребнев, разумеется, был в курсе. В марте 1968 года он пишет:

«<11 марта 1968 г.>

Дорогой Левон.

Только что получил твое письмо.

Межиров<sup>27</sup> переводит прекрасно, и я уверен, что Нарекаци он сделает

---

<sup>24</sup> Очевидно, что Мкртчяна и Гребнева должно было объединять многое (иначе они не стали бы друзьями), но по прочтении писем Гребнева понимаешь, что одним из главных, присущих им обоим качеств, обеспечивающим взаимопонимание и результативность, была редкая работоспособность.

<sup>25</sup> Левон Ахвердян (1924–2003), литературовед (в частности, туманяновед), театровед, заслуженный деятель культуры Армении, лауреат Государственной премии Армении, академик НАН РА.

<sup>26</sup> С Межировым и Гребневым Мкртчян связывал самые большие надежды и, остановив свой выбор на них, для работы над переводом представил им подстрочники, выполненные сотрудницей Матенадарана, переводчиком древнеармянских текстов М. О. Дарбинян.

<sup>27</sup> Межиров так и не перевел «Книгу скорби» и после долгих и мучительных попыток сделать это написал стихотворение:

Намеревался жизнь дожить для виду,

Сосать чужой поэзии сосцы –

хорошо. Жаль, что нам параллельно придется делать какую-то часть.

С Дарбинян<sup>28</sup> я встретился, очень она симпатичная женщина, и я думаю, что она сделает все, как надо.

После всех этих историй у меня все-таки страх перед работой на благо арм. поэзии<sup>29</sup>. Я, в отличие от тебя, не борец, я бесконфликтен. Всякая возможность оказаться в центре или даже быть рядовым участником какого-либо спора, склоки, конфликта страшит меня больше любой предстоящей работы. Я тебе говорил уже обо всем этом. И твои возражения не сняли моего страха. Я бы отступил, но, кажется, уже некуда, кроме, долговой ямы. Ну ладно, попробуем.

Каковы твои планы? Ты ведь хотел в Москву.

Вчера была телевизионная передача об антологии Брюсова. Говорили восторженные слова и читали посредственные переводы.

Целую тебя. Хочу в Ереван! Но тогда, когда что-то (хотя бы фольклор) будет у меня готов. Целую Н. Гребнев».

В работу над переводами для «Средневековой армянской лирики», в которой Мкртчян планировал полнее представить «Книгу скорбных песнопений», Гребнев, что называется, погрузился с головой. В последующих письмах тема будущей антологии стала звучать чаще :

«<14 июня 1968 г.>

Дорогой Левончик!

---

И послужить армянскому Давиду,  
Слагателю псалмов – Нарекаци.

Намеренье мое – дитя гордыни, –  
За то, что возомнил, сполна плачу  
Аз ныне,  
Постигающий в унынье,  
Что мне Нарекаци – не по плечу.

<sup>28</sup> С Маргаритой Дарбинян Л. Мкртчян продолжил сотрудничество и после выхода в свет маленькой книжки 1969 года. А в 1988 году в переводе М. Дарбинян и Л. Ханларян и с предисловием С. Аверинцева был издан полный подстрочный перевод всех 95 глав «Книги...» (М., серия «Памятники письменности востока», т. LXXVII).

<sup>29</sup> В Армении переводы Гребнева вызвали неоднозначную реакцию еще до того, как они увидели свет. В отличие от нынешних правил, когда любой обладатель сколько-нибудь серьезной суммы денег, обнаружив в себе незаурядный талант поэта или прозаика, может издавать свои «произведения» даже в очень солидных издательствах, в СССР рукопись, поступившая в издательство, могла быть сдана в производство только при наличии авторитетных рекомендаций. А армянские рецензенты, получившие рукопись гребневских переводов, неодобрительно отнеслись к тому, что Гребнев «неточен», что он отходит от «буквы» оригинала. Сам переводчик все в том же, опубликованном в «Литературной России» диалоге с Леоном Мкртчяном, говорит: «Первый и неперменный критерий верности в том, насколько органично входит перевод в литературный язык, на который он сделан. Мы должны исходить прежде всего из этого. Иначе разговоры о точности будут лишены смысла. Кстати сказать, перевод, точно соответствующий слову подлинника, расстановке слов и их количеству, сделать нетрудно. Накладывая перевод на подлинник, критики не обнаружат никаких заметных отклонений. Но зато и читатель не обнаружит признаков поэзии. Не надо, конечно, переводить вольно, но никто не станет читать плохую поэзию, утешая себя тем, что это очень точно. Если перевод вне поэзии, точность его или неточность не имеют значения».

Ты промелькнул проездом за рубеж и не показался. А я очень тебя жаждал. Подстрочники Нарекаци и др. я получил. Сейчас напишу письмо в Ленинград и успокою Дарбинян. Пусть она делает все побыстрее, а то мы ничего не успеем. Не смотрел ли ты песен Вигена (Хечумяна. – **К. С.**) и др. фольклорных материалов?

Я звонил Ире (Карумян. – **К. С.**), она сказала, что Кучак подписан в печать. Капни В. Мкртчяну<sup>30</sup>, чтоб он ускорил. С Туманяном в Гослите<sup>31</sup> получилась небольшая неувязка, но я думаю, что это пустяки. Как ты съездил? Что нового в Ереване? Привет всем хорошим людям. Н. Гребнев».

<5 октября 1968 г.>

Дорогой Левон!

Дела складываются так: я перевел уже 2700 строк. “Шаракан” я пока не достал. Из этих 2700 строк 200 у тебя есть. 700 строк, которые перевел в Переделкино, только что отпечатали – могу тебе через некоторое время послать. Был сегодня в Сов<етском> пис<ател>е. Редактировали с Регистаном новую книгу К. Кулиева. В Совписе сегодня случилось следующее. Встретил В. Н. Орлова<sup>32</sup>, который с пристрастием расспрашивал меня о нашей книжке по его ведомству. Я ему все рассказал, и он остался удовлетворен. Более всего его удивило, что я не собираюсь просить отсрочки и <намерен> сдать работу к сроку. Давай удивим его и действительно окончим все к 1 декабря.

Но это не все, что случилось со мной сегодня в С.П. Между прочим, Регистан сказал, что надо перевести для книжки стихи Амо Сагияна<sup>33</sup>. Часть книги уже сделана. Он сказал это робко, зная, что я кусочки книги не перевожу. Помня твои добрые слова об Амо, я все же взял подстрочники из любопытства. Стихи прекрасны. Давно я не читал ничего современного, что бы мне так понравилось.

Вот и хочу я высказать тебе свои сомнения на этот счет. Для меня, ты знаешь, взять переводить – почти что жениться: серьезно и на всю жизнь. И вот перед тем как вступить в этот брак, меня одолевают следующие сомнения: 1) Согласна ли на этот брак невеста? 2) Сложатся ли вообще мои отношения с Арменией после всего, что я натворю с классиками? 3) Каков человек Амо? Как он отнесется к моим переводам, которые будут не всегда буквальные? Переводить рабски точно мне не интересно, да и никогда не получается хорошо. 4) Вступая в этот альянс, не окажусь ли я в центре какой-либо интриги, вроде кучаковской, усиленной тем обстоятельством, что автор жив-здоров?

Есть еще много сомнений и страхов, какие всегда бывают у человека, решающегося на серьезный шаг. Напиши мне свои соображения на этот счет.

---

<sup>30</sup> Ваагн Мкртчян, в те годы директор издательства «Айастан».

<sup>31</sup> Имеется в виду юбилейное издание сборника избранных произведений Туманяна, увидевшее свет в 1969 г. в издательстве «Художественная литература» (до 1963 г. «Гослитиздат»), Гребнев по старой памяти употребляет сокращенное «Гослит<издат>».

<sup>32</sup> Владимир Орлов, главный редактор «Библиотеки поэта».

<sup>33</sup> Амо Сагиян (1915–1993), выдающийся армянский поэт. Речь идет о книге «Амо Сагиян. Перед закатом». Книга, в которую были включены и переводы Гребнева, увидела свет в 1969 г. в Москве, в издательстве «Советский писатель».

Пожалуйста, дай четкие директивы Марг. Овн.<sup>34</sup> и сам делай свою часть книги, чтобы к 1 декабря мы могли бы положить на стол потрясенных ленинградцев нашу книгу.

Как твои? Предисловие к Туманяну К. И.<sup>35</sup> пока не писал, но напишет (обещает). Клара<sup>36</sup> потихоньку капает.

Марию Сергеевну (Петровых. – **К. С.**) я позавчера привез из Переделкино.

Г. Регистан сегодня, редактируя книгу К. Кулиева, потратил на это три часа (мы сидели вместе, и до этого он ее не читал). Бедная Мария Сергеевна тратит на такую же работу несколько месяцев.

Целую тебя. Подружился в Переделкине с Инной Лиснянской. Поэт она прекрасный, человек тоже высокого качества. Ну ладно, заболтался. Ответь! Н. Гребнев».

«21 X 68

Дорогой Левон!

Что-то ты не отвечаешь мне. Вчера мне исполнилось 47 лет, а завтра утром я уезжаю в Душанбе недели на две. Мечтаю, чтоб к моему возвращению были бы уже армянские материалы. Надо кончать с этим делом.

Умоляю прислать Кучака<sup>37</sup>! До сих пор я не получил ни одного экземпляра!

Напиши мне. Если что-нибудь срочное, то – Душанбе, Союз писателей.

Корней Иванович обещает.

Напиши, ругают ли меня за Кучака. Целую тебя. Н. Гребнев».

«19 декабря 1968 г.

Дорогой Левон,

Посылаю тебе мой труд: целиком первый экземпляр и остатки (кроме посланного ранее) второго.

Получилось у меня 3700 строк. Прошу тебя ознакомиться и написать мне свое мнение, а также замечания. Надо сверить написание всех имен. В разных источниках они иногда пишутся по-разному.

Если второй экземпляр будешь посылать на рецензию или куда-нибудь отдавать, не забудь сверить ту часть, которую я дал тебе ранее с первым экземпляром.

Я написал письмо в Ленинград, сообщил об окончании моей работы и попросил еще раз денег для М. О. Дарбинян.

Стацинский<sup>38</sup> сделал макет, как только вы дадите ему команду, что этот макет одобрен, он приступит к делу. Работает он быстро и хорошо.

---

<sup>34</sup> В сборник «Средневековая армянская лирика» было включено еще 11 глав из «Книги скорбных песнопений». По всей видимости, Гребнев в этой связи просил Мкртчяна «дать директивы» работавшей над подстрочниками М. Дарбинян.

<sup>35</sup> Корней Иванович Чуковский. Речь о сказках Туманяна (Ер., 1969).

<sup>36</sup> К. И. Лозовская, многолетний литературный секретарь Корнея Чуковского.

<sup>37</sup> Имеются в виду сигнальные экземпляры сборника «Наапет Кучак. Айрены», который увидел свет в конце лета 1968 г.

<sup>38</sup> Речь идет о макете неоднократно упоминавшейся книги «Ованес Туманян. Сказки». Книга вышла в свет в изысканном оформлении художника Виталия Стацинского.



Относительно фольклора. Пожалуйста, отбери и дай делать подстрочники. Что касается денег за них, то это ведь уже будет платить не Ленинград, а вы.

Я смогу приехать где-нибудь в марте и закончить книгу.

Посылаю тебе экземпляр рецензии Нафи Джусойты<sup>39</sup> на Кучака, она должна быть напечатана в «Дружбе народов» №1. Думаю, что ее можно опубликовать в Ереване на армянском языке, а может, и на русском, смотри, как лучше.

Спасибо тебе за вырезки из газет.

Я знаю, что Наири Зарян<sup>40</sup> клянет меня на каждом углу. Меня это огорчает. По-моему, Кучак действительно получился неплохо. Все, кому я дал книгу, говорят об этом.

Да, Мария Сергеевна говорит, что у нее нет экземпляров моих переводов Туманяна: где же они? Неужели ты увез все?

<№>11 Вопросы литературы<sup>41</sup> видел – ты молодец.

Вопрос рецензии меня беспокоит. Договорился ли ты с Арутюновым<sup>42</sup>? И умный, знающий ли он человек? Я постараюсь навести справки.

Целую тебя. Подтверди получение рукописи. Это меня беспокоит. Н. Гребнев»

Итак, к концу 1968 года Гребнев закончил работу над переводом своей части средневековой поэзии ленинградского сборника и продолжил работу над «Книгой скорбных песнопений». Переводил он по мере того, как получал новые подстрочники.

И уже во всех последующих письмах он возвращается к Нарекаци. В октябре 1969 года он пишет:

«<13 октября 1969 г.>

Дорогой Левон!

<...> Я перевожу две главы Нарекаци, присланные мне, и снова получаю удовольствие. Я понял, что с Нарекаци я уже породнился и, наверное, не успокоюсь, пока не переведу его целиком. Если для этого есть какие-нибудь возможности, я готов приехать в Ереван, договориться с тем, кто будет делать

---

<sup>39</sup> Нафи Джусойты, патриарх осетинской литературы. Рецензия, о которой говорит Гребнев («Свет через века»), была опубликована в журнале «Дружба народов», в 1969 г., №2 (с. 272-273).

<sup>40</sup> См. об этом: «Из архива Левона Мкртчяна. Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» // «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, №2, с. 34.

<sup>41</sup> В №11 за 1968 г. журнала «Вопросы литературы», в рамках диспута о проблемах художественного перевода опубликовано пространное слово Л. Мкртчяна о критиках переводов армянской поэзии («Мне хочется сказать о критике...», с. 36-39), в котором он, разделяя точку зрения Гребнева на перевод, негативно отзываясь о приверженцах буквального перевода: «Мы должны оценивать переводы и с точки зрения соответствия подлиннику, и с точки зрения того, кому адресованы эти переводы. Это второе условие критика иногда игнорирует. Если говорить об армянской критике, то это условие верности и точности игнорируется почти всегда. Нельзя читателю предлагать плохие стихи, заявляя, что они точно соответствуют тому, что сказано в подлиннике».

<sup>42</sup> Лев Арутюнов, московский литературовед, занимавшийся армянской литературой.

подстрочник и т.д. Кстати, вот дословное письмецо, которое передала мне в Софии польская поэтесса Анна Каминска накануне своего отъезда в Варшаву: “Дорогой Наум Исаевич! Обязательно буду переводить – или лучше сказать, молиться словами поэта. Ваш перевод дает вкус этой поэзии. Помните обещания передать мне подстрочник!

Всего хорошего! Сегодня уезжаю.

София, 20.9.69 г. Анна Каминска”.

Нарекаци заинтересовал я также и венгров. Но пока я им еще не дал книжки. Я уверен, что после русского перевода “Книгу скорби” переведут везде.

Юбилей Туманяна проходил довольно пышно. Я выступал в университете им. Лумумбы и ЦДЛ. В Большой театр меня не пригласили даже в качестве зрителя. Были какие-то банкеты, но меня туда тоже не звали. Как ты понимаешь, мне на это плевать, особенно если бы я был уверен, что это не означает неодобрения моей деятельности со стороны армянского руководства.

Левончик, умоляю, сделай книгу средневековой лирики. Ее надо как можно быстрее отослать, а то и в 71 году она не выйдет. Да и хочется получить деньги. Если приедешь скоро в Москву, захвати с собой все материалы. Мы здесь перепечатаем и отошлем. Есть ли тираж на Кучака? Велик ли он? На Туманяне продавали книги Кучака и Нарекаци. Они были расхвачаны мгновенно еще в ЦДЛ, так что на следующий день в Большом театре их не было совсем. Я говорил с продавщицами. Хватали и Туманяна. Особенно сказки. Что мы будем делать дальше? Задаю этот вопрос, хоть знаю, что тебе сейчас не до этого и вообще все надоело.

Приезжай, я соскучился.

Попроси, чтоб послали мне какие-нибудь деньги, я еще не получил ничего.

Как поживает Амо? Его стихи обещали дать в “Юности”, “Смене”, “Кругозоре”. Вообще он попал в довольно неудачное время. Все лето меня не было в Москве, и я не мог заниматься его делами, а сейчас армянский лимит во всех изданиях выполнен Туманяном и начинается предъюбилейная пора.

Кажется, все. Целую тебя. Н. Гребнев».

«<18 января 1970 г.>

Дорогой Левон.

Еще раз поздравляю тебя с новым годом. Может, действительно, случится чудо, и он будет для всех счастливым.

Посылаю тебе Нарекаци с правкой.

Левон, умоляю, – напиши предисловие, и давай покончим с этой книжкой. Пусть она, рожденная твоим энтузиазмом, не будет погублена охлаждением<sup>43</sup> к ней и ко мне.

---

<sup>43</sup> То, что Гребнев называет охлаждением, на самом деле было совершенно не свойственным Мкртчяну спадом темпа работы, спровоцированным как отрицательной реакцией армянской литературной общественности на инициативу Мкртчяна издавать средневековых армянских авторов, так и ее недовольством новыми переводами. Кроме того, именно в этот период Мкртчян готовился к защите докторской диссертации, что также не вызывало

<...> Напиши мне обо всем. И передай привет друзьям. Стихи Амо опубликованы в «Юность» №12. Должны быть в «Кругозоре» №1 и в «Смене» в феврале, если их не смутит то обстоятельство, что книжка уже вышла. Кстати, как стихи Амо, которые я оставил в «Лит. Армении»? Как книжка Амо в Ереване?

Дейчи<sup>44</sup> говорили мне, что ты должен защищать диссертацию. Где и когда? Напиши. Обнимаю тебя. Н. Гребнев.

Получил ли статью Рассадина<sup>45</sup>? Он послал ее. Как она понравилась и где пойдет? Я пробовал звонить, телефон испорчен».

«<19 мая 1970 г.>

Дорогой Левон!

Мы с Кайсыном ездили по Северному Кавказу, собирали материал для книги северокавказского фольклора. Сейчас мы в Махачкале.

<...> Как твои дела? Как идет работа?

Перед отъездом я говорил по телефону с Вл. Ник. Орловым. Он очень огорчен тем, что ты их подводишь. Сам же Вл. Ник., к великому моему сожалению, хочет из Библиотеки поэта уходить. Я в конце месяца возвращусь.

Целую тебя. Привет всем. Наум».

«3 июня 1970.

Дорогой Левон!

Спасибо за “Прапесню”. Книжка получилась хорошая, хоть немало опечаток, а конец стихотворения “Прялка” почему-то присобачен к “Песне чепальщиц шерсти”.

Левон, история с предисловием к ленинградской книжке меня очень огорчает. Если ты действительно откажешься, это будет ужасно. Все начнется сначала, и кто это сделает? По-моему, гораздо лучше взять тебе соавтором Леву Арутюнова. Я намекнул об этом в разговоре с ним, как понимаю, он согласился бы. Что бы ни было, это надо быстрее кончить.

Анаит Павловна<sup>46</sup> из “Гослита” послала тебе письмо с предложением быть составителем Кучака, который, как оказалось, у них должен выйти в 1971 г.<sup>47</sup> Побыстрее ответь ей. Конечно, согласишься. Если надо будет, я переведу айрены дополнительно, но обязательно ответь ей поскорее.

Будь здоров. Я звоню тебе довольно часто, но не застаю тебя.

Привет всем. Н. Гребнев».

---

восторга у некоторых из «метров» армянского литературоведения, чинивших ему всяческие препятствия.

<sup>44</sup> Александр Иосифович Дейч, литературный критик, переводчик. Евгения Кузьминична Дейч, жена А. И. Дейча, литературовед.

<sup>45</sup> Статья Станислава Рассадина «Плюс десять веков» о «Книге скорбных песнопений» (1969 г.) была опубликована на армянском языке в журнале «Гарун» (1970, №9) и в журнале «Литературная Армения» (1970, №10).

<sup>46</sup> Анаит Павловна Макинцян, заводделом национальных литератур издательства «Художественная литература».

<sup>47</sup> Составленный Л. Мкртчяном сборник «Наапет Кучак. Лирика. Айрены» с его примечаниями вышел в свет в Москве, в изд-ве «Художественная литература» в 1972 г.

От предисловия к «Армянской средневековой лирике» Левон Мкртчян не отказался и, как видно, сообщил об этом Гребневу, на что тот откликнулся следующим письмом (на конверте таллинский адрес):

«З VIII 70.

Дорогой Левон.

Твое письмо обрадовало меня. К сожалению, в 71 год книга уже опоздала. Что ж, будем ждать 72.

Я очень рад, что М. С. Петровых присвоили армянское звание<sup>48</sup>. Это меня обрадовало почти так же, как если б звание присвоили мне. Я пытался несколько раз позвонить М. С., но что-то телефон ее не отвечает.

350 строк Нарекаци, которые у меня были, я перевел. Он прекрасен.

Я работаю здесь небывало много, и потому жизнь моя счастлива.

Мишка<sup>49</sup> канючит, хочет в Армению. Очень ему там понравилось. Но наверно в этом году ничего не выйдет. А в будущем и подавно – он будет поступать в институт.

Мне присвоили звание в Дагестане. Как твои дела? Каковы планы? Утвердили ли тебя в ВАКе? Целую тебя. Наум.

Р. С. Как поживает Амо? Почему в «Литармении» нет его стихов? Как его книжка? Как статья Рассадина?».

С весны 1971 года письма Гребнева начинают напоминать отчет:

«<22 апреля 1971 г.>

Дорогой Левончик!

Я получил твоё письмо и вырезку из газеты. Разговаривал с Цуриковой<sup>50</sup>. Книга готова и послана еще на отзыв одному из членов редколлегии, а именно – Кайсыну Кулиеву.

Сейчас Гал. Мих. уехала в отпуск. Потом она будет заниматься таджикской книгой, а где-то в июле – непосредственно нашей<sup>51</sup>, чтоб сдать ее в августе. Ал. Пистунова написала рецензию на “Прапесню” и отдала ее в “Дружбу народов”. Там ей сказали, что у них есть несколько писем из Армении с возмущением и готовностью написать отрицательную рецензию. Самим же им книга нравится, но ввиду этой ситуации рецензию они пошлют на отзыв члену их редколлегии С. Ханзадян<sup>52</sup>. Очередные теневые стороны армянской поэзии.

---

<sup>48</sup> В 1970 г. М. С. Петровых было присвоено звание заслуженного деятеля культуры АрмССР.

<sup>49</sup> Сын Гребнева, Михаил.

<sup>50</sup> Галина Михайловна Цурикова, редактор «Библиотеки поэта».

<sup>51</sup> В дальнейшем Цурикову заменила Л. С. Гейро, она и была издательским редактором «Армянской средневековой лирики». До нее книга была отредактирована Марией Петровых (см.: «Из архива Левона Мкртчяна. Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» // «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, №2, с. 33-34).

<sup>52</sup> Серо Ханзадян (1915–1998), армянский писатель, автор фронтовой прозы, впоследствии – исторических романов.

Посылаю тебе болгарскую книжку. Должен сказать, что переводить ее было очень легко. Думаю, что было бы так же легко переводить Нарекаци без рифмы.

Передай привет Амо. Извинений уже передавать не надо, а то получится, как у Чехова.

Как твои диссертационные дела? Лева Арутюнов сказал мне, что, кажется, все будет хорошо. Отзыв из Баку сравнительно благоприятный.

Целую тебя. Н. Гребнев.

Поздравь Сагатела (Арутюняна, в связи с 50-летием. – **К. С.**)».

«<19 мая 1971 г.>

Дорогой Левончик!

Отсылаю тебе содержание. Кажется, все нормально.

Думаю, что М. С. Петровых как рецензент их не устроит, ибо им надо не столько поэт, сколько армянин, который мог бы судить о составе, о соответствии и пр.

Потому поскорей напиши им о Магде (Джанполадян. – **К. С.**) или Арутюнове. Если он к этому времени будет еще в Ереване, не страшно. Он может написать рецензию по твоему экземпляру и в Ереване.

У нас все нормально. Жизнь идет. Как вы? Целуй всех. Н. Гребнев.»

«20 июля 1972 г.

Дорогой Левон!

Я получил твою открытку. Рад, что появилась статья Кайсына<sup>53</sup>. В Москве пока откликов официальных нет. На черном рынке наша книга стоит 5 р. Всем она нравится, но это знакомым. А что думают незнакомые, не знаю.

Я занимаюсь на модных курсах английским яз. Зачем мне это – неизвестно. С 1 засяду за работу. Хотелось бы к этому времени получить всего Амо. Я сразу же сделаю книгу. Если не получу – то не знаю, когда переведу. Мы живем в Переделкино. Ждем вас. Как ваши квартирные дела? Напиши мне на Москву. Приезжайте. Целую. Н. Гребнев.

20 июля Переделкино».

«<31 мая 1974 г.>

Дорогой Левон.

Спасибо за книгу «Читая Нарекаци»<sup>54</sup>. По-моему, ты сделал ее очень хорошо.

Поздравляю тебя.

Пожалуйста, пришли мне еще несколько экз. или сделай так, чтобы мне послала ее «Книга почтой», куда я одновременно посылаю письмо.

---

<sup>53</sup> Рецензия Кайсына Кулиева на сборник «Армянская средневековая лирика» была опубликована на армянском языке в газете «Гракан терт» (1972, 7 июля, №28)

<sup>54</sup> В 1974 году Л. Мкртчян издал сборник «Читая Нарекаци», куда вошли отклики известных советских поэтов и писателей на книжку «Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Отрывки» (Ер., 1969 г.). Дополненная новыми откликами, на издание 1977 г., «Читая Нарекаци» была переиздана в 1997 г.

Помимо того, ты мне не послал и книгу “Худ. перевод и т.д.”<sup>55</sup>. Ты выезжал в Европу. Я очень ждал твоего звонка. Не для дела, а просто соскучился. Целую тебя. Жду книг».

Два следующих письма не датированы. Но судя по содержанию, написаны они в 1975-76 году, в период подготовки двуязычного издания «Книги скорби»<sup>56</sup>, куда, кроме опубликованных в «Армянской средневековой лирике», вошли еще 25 глав «Книги...» (всего 42 главы).

«<1975-76 г. >

Дорогой Левон!

Посылаю тебе то, что сделал. Кое-что, видимо, нуждается в правке. Зная, что это будет читать Мария Сергеевна, я лишний раз не заглядывал ни в словарь, ни в энциклопедию. Она все знает и так, и мы вместе уточним кое-что... В подстрочнике 41 и 42 главы были перепутаны. То есть то, что, по-моему, должно было быть помечено «42», было помечено «41» и наоборот. Правильно ли я поступил, что исправил это? Сверь с оригиналом.

Очень прошу тебя, напиши Марии Сергеевне, чтобы она дотошно не сличала каждую строку перевода с оригиналом. Это нечто такое, что перевод только ухудшит. Объясни, что, если я что-либо не так понял, ты укажешь на это и мы все исправим. Как я тебе говорил, в некоторых местах получилось больше строк, чем в оригинале. Но, во-первых, строки оригинала значительно длиннее строк перевода (иногда я удивлялся, как может уместиться в одной строке то, что в одной строке подстрочника, м. б., это не так уж точно разбито на строчки?), а во-вторых, то, что читателям оригинала (в то время) было ясно с полуслова, читателю сегодняшнего перевода неясно, и приходится делать распространения.

Получилось, кажется, немного менее 5000 строк со старыми переводами. У меня еще есть неперевержденные четыре главы. Но я думаю, что пока достаточно. <...> Я наверное в первых числах лягу на операцию. Я рад, что сделал Нарекаци до этого. Передай привет всем, целую тебя. Н. Гребнев».

«<1976 год. >

Дорогой Левон.

Посылаю остаток рукописи. Им надо заменить предшествующий вариант этих глав обязательно. Даже если для этого надо будет эти главы перебирать. Впрочем, думаю, что пока еще до набора дело не дошло.

Мария Сергеевна очень выложились на этой редактуре. Я думаю, что оплата 10 к. за строку несправедлива по отношению к ее труду. Я готов, чтобы еще столько же было вычтено для нее из моего гонорара. Или же я отдам ей эти деньги сам, когда их получу.

---

<sup>55</sup> См. «Художественный перевод. Взаимодействие и взаимообогащение литератур». Ер., 1973. В книгу вошла и статья Н. Гребнева «Поэтическая археология».

<sup>56</sup> **Григор Нарекаци**. Книга скорби. Оригинал на древнеармянском языке, перевод Н. Гребнева, подстрочные переводы Л. Мкртчяна и М. Дарбинян. Составление, вступительная статья, примечания Л. Мкртчяна. Ер., 1977.

В рукописи есть несколько мест, которые надо уточнить. Они помечены на 2-м экземпляре.

Сообщай мне обо всем, что касается нашей книги.

Я с нетерпением жду ее выхода. Думаю, что это *самая лучшая и значительная работа моей жизни* (курсив мой. – **К. С.**).

Как заказать 100 экз. книги?

Целую тебя и всех. Наум».

«З.ХП.76

Дорогой Левон.

Посылаю тебе рукопись в 2-х экз., до 48 главы. Остальное я думаю получить сегодня у Марии Сергеевны. Если все будет так, как предполагаю, до понедельника постараюсь исправить и отдать машинистке.

Обращаю внимание в гл. 35 на фразу “но пусть все тайное не станет явным”. В этом есть некоторое противоречие с христианством. Но так в подстрочнике. Уточни. Может быть, имеется в виду “тайна исповеди”? Если считаешь, что нужно, чтобы я что-то исправил, напиши, я это сделаю. А пока целую тебя».

«<Декабрь 1976 г.><sup>57</sup>

Дорогой Левон.

Посылаю остаток рукописи.

Гл. 52, 53, 58 и 60 (они есть только в первом экземпляре) еще не окончены. Через некоторое время пришлю правленный и перепечатанный экземпляр этих глав. Думаю, пока это все будет в редакции и не уйдет в типографию, окончательный вариант этих глав ты уже получишь. Ответь мне, пожалуйста, на вопросы:

1) Готово ли оформление и как оно получилось?

2) Не будет ли книга слишком громоздкой с русским и армянским текстами?

3) Прочла ли Ира Карумян рукопись, и нет ли у нее каких-либо замечаний?

4) Чем вызвана такая спешка?

Я звонил тебе несколько раз, но не дозвонился.

В Москве идет переводческое сборище, но я там не бываю.

Целую тебя.

P. S. Напиши, какое на тебя производит впечатление рукопись теперь – правленная?

Привет всем. Н. Гребнев».

В 1977 году почти одновременно с «Книгой скорби» в Ереване увидел свет составленный Л. Мкртчяном роскошно оформленный двухтомник «Ар-

---

<sup>57</sup> О том, что письмо написано именно в декабре 1976 г., можно делать предположение, потому что 28 декабря 1976 г. рукопись была сдана в производство. В начале февраля 1977 года Мкртчян получил первые оттиски.

мянская классическая лирика», представлявший собой дополненное новыми переводами переиздание антологии 1972 года «Армянская средневековая лирика». Об этой книге идет речь в следующем письме, не датированном, но позволяющем судить, что оно написано в 1976 году, поскольку в письме Гребнев напоминает о своем возрасте<sup>58</sup>:

«Дорогой Левон,

Посылаю тебе то, что перевел. В песне о Степаносе я позволил себе опустить то печальное обстоятельство, что епископ убил свою мачеху. Нехорошо для епископа, да и что его тогда оплакивать? И потом как это мачеху он убил (мотивы неясны), мать его оплакивает. Непонятны не только семейные отношения, но и вообще многое. Если же все-таки необходимо, чтобы он убил мачеху, что ж, убьем, но будет нехорошо. И это, и то, что отец наказывает сына не за убийство своей жены, а из страха, что сынок убьет и его. Может быть, я чего-то не понял<sup>59</sup>.

Когда-то, когда Миша был маленьким, мы в Коктебеле смотрели греческий фильм “Электра”. И вот там, где Орест убивает Клитемнестру, Миша вдруг громко спросил у меня: “Папочка, это он убил мамочку?” Успех этой реплики у кинозрителей был необычаен.

Как тебе говорил по телефону, я в мае смог бы приехать в Ереван. Поинтригуй насчет Нарекаци. Думаю, что это наш последний шанс, потому что меня осталось ненадолго – мне уже 55 лет.

За грамоту спасибо.

Привет всем твоим, Амо и остальным хорошим людям. Твой Наум.

Напиши, как тебе переводы?»

И, наконец, последнее письмо. Как и два предыдущих, оно не датировано. О том, что письмо написано в конце 1977 года, позволяет судить сообщение Гребнева о юбилее (60-летию) Кайсына Кулиева, который отмечался осенью 1977 года.

«Дорогой Левон!

Очень я хотел приехать в Ереван, но не получилось. Дела помешали существенные – в Налъчике купил машину (за заслуги перед кабардинской и балкарской литературой). Поехал я на ней в Москву, но по дороге бураны и гололед помешали мне. Теперь ты как автомобилист понимаешь меня.

Оставил я машину в Пятигорске до лучших, а точнее, до более теплых времен.

Итак, я перевел еще четыре главы. Три, которые я тогда не сделал, потому что не понял их. И одну, которая есть в книге как подстрочник и не было у меня (69). Посылаю их тебе. Скажи как? На уровне ли прошлых? Пока никуда

---

<sup>58</sup> Гребнев родился в 1921 году.

<sup>59</sup> Как видно, Мкртчян принял во внимание замечание Гребнева: ни в одну из составленных им «русских» антологий армянской классической лирики эти стихи не вошли. Тогда как в составленных им же армянских сборниках «Песнь о Степаносе» опубликована за подписью «Аноним Сюнеци, XIV-XV вв.».



их не давай, а есть замечания и соображения – напиши. Мария Сергеевна пребывает в квартирной неврастении<sup>60</sup>. Она получает квартиру несколько далеко от центра (Гропарево), но кв., кажется, хорошая. Получил письмо от М. Дарбинян. Обещает делать подстрочники и посылать мне. Начнет она с глав, которые не переведены.

Праздновали Кайсына в Москве и Ленинграде. Было неплохо, хотя, будь моя на то воля, я сделал бы все по-иному. Но моей воли, слава Богу, нет почти ни на что. Целую тебя и всех твоих.

Приехать в Ереван по-прежнему мечтаю. Может, в марте».

Четыре главы из «Книги скорби», о которых пишет Гребнев (34, 37, 57 и 69), Левон Мкртчян включил в изданную в 1998 году «Книгу скорбных песнопений». К сожалению, Гребневу не довелось перевести весь текст (95 глав): в Армении отрицательно отнеслись к тому, что переводчик зарифмовал свободный стих Нарекаци, и решили полный перевод поручить другому автору. Это не могло не задеть Н. Гребнева, и в 1982 году в одном из писем Магде Джанполадян он писал: «К сожалению, мой роман с Арменией не удался. Я даже не знаю точно, по какой причине. Но любовь эта 7 (+6) лет без взаимности. Впрочем, первое время мне казалось, что любовь была. А потом прошла. Что делать? Выражаясь словами поговорки, «насильно мил не будешь». Конечно, я хотел докончить перевод Нарекаци, но если не получилось, что ж: я свое дело сделал. Может быть, действительно другие сделают это лучше меня. Дай Бог»<sup>61</sup>.

О том, как «другие» справились с поставленной перед ними задачей, убедительно рассказано в статье Левона Мкртчяна с красноречивым названием «Не все надежды сбываются»<sup>62</sup>, посвященной переводу Владимира Микушевича<sup>63</sup> и в равной мере относящейся к третьему из существующих художественных переводов, переводу Леонида Миля<sup>64</sup>. Не менее красноречиво назвала свою статью, посвященную этим переводам, и Магда Джанполадян: «О переводах, “закрывающих” оригинал»<sup>65</sup>.

---

<sup>60</sup> «Квартирная неврастения» Петровых благополучно завершилась получением ею квартиры в писательском доме. Не исключается, что определенную роль в этом деле сыграло ходатайство Левона Мкртчяна. В его архиве сохранился второй экземпляр официального обращения к первому секретарю правления СП СССР Г. М. Маркову: «20 декабря 1977 г. Дорогой Георгий Мокеевич! Секретариат правления Союза писателей Армении просит Вас оказать содействие русскому поэту, переводчику М. С. Петровых в получении квартиры в Московском писательском доме. М. С. Петровых многие годы плодотворно работает в литературе. Ее переводы со славянских языков и языков народов СССР широко известны. За заслуги в деле пропаганды армянской поэзии она удостоена высокого звания заслуженного деятеля культуры Армении. В Армении ее имя окружено любовью и уважением. Еще раз просим Вас помочь нашему большому другу – русскому поэту М. С. Петровых. Второй секретарь правления СП Армении Л. М. Мкртчян».

<sup>61</sup> См. **Джанполадян М.** «Книга скорби» Нарекаци в русских переводах и критике. Ер., 2012, с. 59.

<sup>62</sup> В кн.: **Мкртчян Л.** Если бы в Вавилоне были переводчики. Ер., 1987, с. 389-407.

<sup>63</sup> Перевод Вл. Микушевича был издан в 1985 г. в Москве, в изд-ве «Художественная литература».

<sup>64</sup> Перевод Л. Миля увидел свет в Ереване, в изд-ве «Советакан грох» в 1984 г.

<sup>65</sup> В кн.: **Джанполадян М.** Когда строку диктует чувство.... Ер., 2005, с. 155-177.

Переводом, не «закрывающим» оригинал, стал изданный в 1988 году в академическом издательстве «Наука» профессионально выполненный сотрудниками Матенадарана

Левон Мкртчян писал: «Русский Нарекаци был, по существу, открыт Гребневым <...> Переводы из того или иного поэта достигают своей цели, когда об этом поэте появляется литература, когда не только читают поэта в переводах, но и пишут о нем, интересуются им. И с этой точки зрения работа Наума Гребнева и, пожалуй, Марии Петровых, которая была взыскательным и добрым редактором переводов Гребнева из Нарекаци, заслуживает высокой оценки»<sup>66</sup>.

Из восторженных откликов на гребневский перевод «Книги скорби» Левон Мкртчян составил дважды издававшуюся (в 1974 и в 1997 годах) книгу «Читая Нарекаци».

Что же касается Гребнева – переводчика не только Нарекаци, но и других армянских поэтов, в том числе современников, то время показало, что Гребнев принадлежит к числу лучших соавторов (а хороший перевод – это еще и соавторство) переводимых им армянских поэтов. И настоящие поэты по достоинству оценили это. Как по достоинству оценил талант Гребнева такой взыскательный поэт, как Амо Сагиян. Подтверждение тому – сохранившийся в архиве Левона Мкртчяна машинописный экземпляр переведенного им на русский язык небольшого слова, написанного Амо Сагияном в связи с 50-летием Гребнева (в 1971 году):

«Для меня Наум Гребнев прежде всего – поэт. Он очень талантлив, щедр и артистичен. И потому, что он поэт, он – первоклассный переводчик. Переводами Гребнева зачитываются. Он открыл русскому читателю Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, песенное творчество народов Средней Азии и Северного Кавказа, армянских поэтов...

Нельзя без волнения читать его переводы из Григора Нарекаци и Наапета Кучака. Гребнев работает много и плодотворно. Я благодарен ему за его переводные книги, благодарен за переводы моих стихов.

Известный русский поэт и переводчик китайской классики Александр Гитович писал: «Единственное влияние, которое я испытал в переводах – в самом начале работы (четверостишия Ли Бо), переводы Гребнева (Расул Гамзатов). Русский читатель с благодарностью и с восхищением должен подумать о переводах Гребнева. Об их вдохновенной энергии и той соразмерности и такте, которые присущи лишь крупным мастерам перевода».

Эти хорошие, точные слова о Гребневе – поэте и переводчике мне вспомнились еще и потому, что, к сожалению, у нас в Ереване некоторые литераторы не смогли по-настоящему оценить гребневские переводы. Точность они отождествляли с буквализмом, тогда как Гребнев творчески верен ориги-

---

М. Дарбинян и Л. Ханларян подстрочный перевод всей «Книги скорбных песнопений». Но издание подстрочного перевода, как писал Л. Мкртчян «было необходимо для ученых и для тех, кто будет переводить “Книгу...” Нарекаци с русского подстрочника. Например, Иван Драч перевел “Книгу...” на украинский по русскому подстрочнику. Что касается новых художественных переводов, то наши надежды на то, что они окажутся лучше гребневского, на мой, взгляд, не оправдались. И определенную долю ответственности за это несу я, так как был в числе тех, кто привлекал Миля и Микушевича к работе над новыми переводами Нарекаци». –**Мкртчян Л.** «Пусть рассказана будет людям всех племен...» // Читая Нарекаци. Отклики на русские переводы «Книги скорбных песнопений». Ер., 1997, с. 10.

<sup>66</sup> Мкртчян Л. Если бы в Вавилоне были переводчики, с.391.

налу. Если даже он в чем и согрешит, то сразу видишь, что это “грехи” поэта. Переводит Гребнев – значит, поэт переводит поэта. А это очень важно, это, может быть, единственный путь передать на другом языке непередаваемое – поэзию.

О переводчике можно сказать стихами Григора Нарекаци:

Невидим ты, но все, что видим мы,  
Померкло бы без твоего участия.

(Пер. Н. Гребнева)

Переводчик невидим, невидима его работа, но многое из того, что мы читаем и видим, существует в сокровищницах национальных культур благодаря невидимой и подвижнической работе переводчика. Гребневу исполнилось 50 лет, он многое сделал, многое ему еще предстоит сделать. Читатель ждет переводов Гребнева».

Читатель действительно ждал переводов Гребнева и в первую очередь – перевода всех 95 глав «Книги скорби». Увы, ему не суждено было дождаться. Как писал Левон Мкртчян: «Перевод Гребнева то хвалили, а то и поругивали: у Нарекаци нет рифмы, тогда как у Гребнева крепкий рифмованный стих. И те, кому перевод не нравился, рассуждали примерно следующим образом: если этот рифмованный перевод воспринят русским читателем так горячо, то как же будет воспринят перевод нерифмованный, адекватный по форме оригиналу. Сам я никогда так не думал. От добра добра не ищут. Но вместе с тем я всегда считал, что одно и то же произведение может быть переведено на тот или иной язык многократно. Особенно, если это великое произведение, великий оригинал»<sup>67</sup>. И хотя этот великий оригинал был переведен и другими переводчиками, в сокровищнице русской культуры вот уже полвека он существует «благодаря невидимой и подвижнической работе» Наума Гребнева.

**Ключевые слова:** армянская поэзия, перевод, Кучак, Нарекаци

**ԿԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Լևոն Մկրտչյանի արխիվից. Նաում Գրեբնևի նամակները Լ. Մկրտչյանին** – Հայ միջնադարյան պոեզիան, հատկապես Գրիգոր Նարեկացու «Սատյանը» ռուսերեն թարգմանելու և հրատարակելու գործը առանձնահատուկ տեղ է գրավել ակադեմիկոս Լևոն Մկրտչյանի գործունեության դաշտում: Իր մի շարք նախաձեռնությունների իրականացմանը Լ. Մկրտչյանը 1960-ականներից ներգրավել է ռուսական թարգմանչական արվեստի ճանաչված վարպետներից մեկին՝ Նաում Գրեբնևին: Հրապարակվող նամակները վկայում են այն ջանադիր աշխատանքի մասին, որի շնորհիվ լույս տեսան և բարձր գնահատվեցին հայ միջնադարյան պոետների, հատկապես Քուչակի, Նարեկացու ռուսերեն հրատարակությունները:

**Բանալի բառեր** – հայ միջնադարյան պոեզիա, թարգմանություն, Քուչակ, Նարեկացի

<sup>67</sup> Լ. Մկրտչյան. Если бы в Вавилоне были переводчики, с. 391.

**KARINE SAHAKYANTS – *From the Archives of Levon Mkrtchyan: Naum Grebnev’s Letters to Levon Mkrtchyan.*** – Undertaking the translation and publication of Armenian medieval poetry, especially “Book of Lamentations” by Grigor Narekatsi had a special place within the scope of academician Levon Mkrtchyan’s activity. Since 1960-s Levon Mkrtchyan initiated the realization of a number of activities involving Naum Grebnev – a well-known expert in the art of translation. The published letters are evidence of the efforts owing to which the works of Armenian medieval poets, especially Kuchak, Narekatsi, were published in Russian and highly appreciated.

**Key words:** *Armenian poetry, translation, Kuchak, Narekatsi*

## МОДУС И ПОДТЕКСТ: ИЛЛЮЗИЯ СХОДСТВА

ЛИАННА МАТЕВОСЯН

Доминирующим направлением современных лингвистических исследований продолжает оставаться антропоцентрическое направление. Проблема человека всегда приковывала внимание исследователей: философы и историки, психологи и социологи, литераторы и искусствоведы во все времена проявляли пристальный интерес к человеку. Проблему человека не оставили без внимания и лингвисты, ибо человек думает и живет в языке. Язык не только средство общения, но и орудие мыслей и чувств, и его рассмотрение как орудия мыслей и чувств, по утверждению В. фон Гумбольдта, "... основа подлинного языкового исследования"<sup>1</sup>.

При общении мы пользуемся знаками языка. Языковой знак обладает определенным, ясно осознаваемым значением. Ученые по-разному понимают значение: 1) значение – образ или информация (точка зрения Л.О.Резникова); 2) значение – обозначаемый предмет (так считают логики); 3) значение – функция, роль знака (точка зрения И. С. Нарского); 4) значение – отношение (точка зрения Л. А. Абрамяна).

Наиболее верной нам представляется точка зрения Л. А. Абрамяна, значение – это отношение между элементами так называемой знаковой ситуации<sup>2</sup>. "Знаковая ситуация есть совокупность реальных семиотических элементов: знака, предмета, субъекта, других знаков, других субъектов, – закономерно связанных между собой"<sup>3</sup>. Значение проявляет себя только в таких ситуациях, в которых функционируют знаки. Значение – это такое свойство знака, которое позволяет знаку служить посредником между человеком и предметом обозначения. Значение позволяет знаку заменять собой предмет обозначения в актах коммуникативной и интеллектуальной деятельности человека. Знак воздействует на адресата потому, что он обладает значением.

Каждый знак имеет значение до известной степени общее для множества или большинства людей, которые вместе с тем являются истолкователями, интерпретаторами знака. Безусловно, условием существования языка и является общепонятность знаков. Однако не следует забывать о "многозначности" знаков, возникающей в различных конситуациях общения. Таким образом, можно говорить лишь об относительном постоянстве значения знака: к тому

---

<sup>1</sup> Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. М., 1985, с. 377.

<sup>2</sup> См. Абрамян Л. А. Значение как категория семиотики // «Вопросы философии», 1965, № 1.

<sup>3</sup> Гарпушкин В. Е. Некоторые методологические вопросы определения значения "значения" // «Проблемы методологии философского исследования». Горький, 1972, с. 97.

же к конситуативной обусловленности значения знака присовокупляется индивидуальное его истолкование<sup>4</sup>. Иначе говоря, “многозначность” знака является результатом не только множественной ситуативной закреплённости, но и его эмоционального переосмысления говорящим.

В процессе речевого акта говорящий воздействует на слушающего, побуждая узнать его намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом высказывания. “Не всегда можно судить по значению предложения о том, что хочет сказать говорящий своим высказыванием”, – писал Дж. Серль<sup>5</sup>. Обычно такие “значения говорящего” сиюминутны. Они, “впитывая” в себя конкретную коммуникативную ситуацию, рождаются и тут же погибают, не становясь достоянием всех носителей языка. Это одна сторона данного явления. С другой стороны, в процессе речевого общения мы наблюдаем, как те или иные “значения говорящего” (косвенные смыслы) повторяются и в силу этого закрепляются за данным высказыванием, которое используется уже не одним, а всеми членами языкового коллектива.

Сравним два внешне одинаковых высказывания, различающихся по смыслу: **Что вы (ты) делаете (-ешь)?!** – 1) как “вопрос-проявление интереса” и 2) как “констатация неодобрения” (= *Я не одобряю Ваших (твоих) действий*). В первом случае высказывание выступает в прямом значении – в значении вопроса о смысле действий адресата. Во втором случае мы имеем прагматическую интерпретацию (значение, которое имеет в виду говорящий) высказывания<sup>6</sup>.

Задача прагматики, как отмечает Н. Д. Арутюнова, “...вывести те общие закономерности, которые действуют в беспокойной безбрежности субъективных смыслов, и установить степень их конвенциализованности”<sup>7</sup>. Субъективная модальность (переосмысление содержания высказывания говорящим), или модус, в терминологии Ш. Балли,<sup>8</sup> является смысловым организующим стержнем высказывания, движущей силой диктума, иначе говоря, модус – это “нерв” языка, это то, что приводит в действие диктум, то, что приводит в действие всю коммуникативную систему. На службе у модуса интонация – универсальное средство для выражения самых различных субъективно-модальных значений. Таким образом, интонационная характеристика – это не только грамматическая, но и смысловая характеристика предложения-высказывания. Ср.: **Большая беда! Очень хорошо поступаете! Прекрасно!** в буквальном значении и сказанные с возмущением или иронически, например, в “Повести о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” Н. В. Гоголя:

---

<sup>4</sup> См. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980, с. 44.

<sup>5</sup> Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. New-York - San-Francisco - London, 1975, V. 3, p. 68.

<sup>6</sup> См.: Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // «Известия АН СССР». Серия литературы и языка. 1981, т. 40, № 4, с. 370.

<sup>7</sup> Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // «Известия АН СССР». Серия литературы и языка. 1981, т. 40, № 4, с. 357.

<sup>8</sup> См. о модусе и диктуме: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 44.

– Так я же вам объявляю, – произнес Иван Иванович, – что я вас знать не хочу!

– **Большая беда!** ей-богу, не заплачу от этого! – отвечал Иван Иванович.

Лгал, лгал, ей-богу, лгал! ему очень было досадно это.

– Нога моя не будет у вас в доме.

– Эге-ге! – сказал Иван Никифорович, с досады не зная сам, что делать, и, против обыкновения, встав на ноги. – Эй, баба, хлопче! – При сем показалась из-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчик, запутанный в длинный и широкий сюртук. – Возьмите Иван Ивановича за руки да выведите его за двери!

– Как! Дворянина? – закричал с чувством достоинства и негодования Иван Иванович. – Осмелюсь только! подступите! Я вас уничтожу с глупым вашим паном! Ворон не найдет места вашего! (Иван Иванович говорил необыкновенно сильно, когда душа его была потрясена.)

<...>

Наконец Иван Иванович взял шапку свою.

– **Очень хорошо поступаете вы, Иван Никифорович! прекрасно!** Я это припомню вам.

Эмоциональное переосмысление говорящим высказываний **Большая беда!** (=Не беда.) **Очень хорошо поступаете вы!** (=Плохо поступаете.) **Прекрасно!** (=Отвратительно! Ах, как плохо!) привело к такому разрыву значений, что родилось антонимичное значение. Иначе говоря, мы наблюдаем явление энантиосемии, или антифразиса. Конвенционализация же их экспрессивно-иронического употребления дает основание говорить о **стационарной энантиосемии**. Таких примеров можно привести много:

Придя на квартиру, доктор сорвал с себя белый фартук и полотенце, которым был подпоясан, со злобой швырнул то и другое в угол и заходил по кабинету.

– Божже, **что за люди, что за люди!** – проговорил он. – Это не помощники, а враги дела! Нет сил служить большие! Не могу! Я уйду! (А. П. Чехов, “Неприятность”.)

Здесь, в данном контексте, **Что за люди!** = Нелюди!

– Теперь ты рассуди к чему, к чему это поведет? – продолжал дядя, загоразивая ей дорогу – Чем кончится эта игра в консерватизм и генералы? Уже под суд попал! Попал! **Я очень рад!** <...>

– Ах, божже мой, да я-то тут при чем? – спросила Ольга Михайловна.

– Как при чем? Ты его жена! Ты умна, была на курсах, и в твоей власти сделать из него честного работника! (А. П. Чехов, “Красавицы”.)

**Я очень рад!** = Не рад!

Вот тут он и взошел, весь косматый от снега, в бараньем треухе и тулупе, <...> не спеша заговорил:

– **Ну и погодка!** (И. А. Бунин, “Дубки”.)

Здесь: **Ну и погодка!** = Плохая погода!

– Кума...

– Что, кум?

– *Знаете, какая история: у одного человека сердце ушло из рук и он сказал уму: прощай!*

– *Как это сердце ушло из рук?*

– *Это из Саади, кума. Был такой персидский поэт.*

– *Знаю. Но что значит сердце ушло из рук?*

– *А это значит, что человек влюбился. Вот как я в вас.*

– *Похоже, что и вы сказали уму: прощай.*

– *Да, кума, сказал. <...>*

– **С чем я вас и поздравляю.** (=С чем я вас не поздравляю.) (И. А. Бунин, “Кума”.)

Подобными высказываниями пестрит и современный дискурс, или живая русская речь. По справедливому замечанию швейцарского лингвиста Ш. Балли, “... для каждого из нас язык, которым он пользуется ежеминутно и на котором выражает свои самые сокровенные мысли, является богатейшим источником самого достоверного лингвистического материала”<sup>9</sup>. Таким источником является разговорная речь. “Воистину, – пишет О.А. Лаптева, – настала пора конкретизировать мысль Л. В. Щербы, высказанную много десятилетий тому назад применительно к разговорной речи, – о ее роли как **кузницы языковых изменений**”<sup>10</sup> (выделено нами. – Л.М.). И выдающийся лингвист Ф. де Соссюр отмечал, что “... наилучшим способом выделить единицы языка является именно анализ речи, выступающий в виде регистрации языка, поскольку мы не имеем возможности изучать то, что происходит в клеточках нашего мозга”<sup>11</sup>. Эмоционально переосмысленные говорящим высказывания живут полнокровной жизнью именно в разговорной речи, в частности, в таком жанре разговорной речи, как диалог.

Например: – “Я к родственникам: они мне открытку прислали, чтоб я зашла”. – “Каким родственникам?” – “К дяде Лёше”. – “Кто такой?” – “Ну, профессор. Он ещё маме какой-то брат троюродный, что ли... Да я тебе рассказывала. Я ещё у них неделю жила, когда в Москву приехала”. – “Да, что-то припоминаю... Ну... А потом куда?” – “Потом в Третьяковскую галерею”. – “Учу я тебя, учу – толку ни грамма. Ведь в этой Третьяковке одни командировочные или гости столицы...” – “Я же туда картины иду смотреть, а не людей”. – “А я вот в научный зал Ленинской библиотеки пропуск достала”. – “Зачем?” – “Представляешь, какой там контингент: академики, доктора, философы...” – “Ну и что? Будешь смотреть, как они читают?” – **“Много ты понимаешь! Там еще курилка есть...”** (Из к/ф “Москва слезам не верит”.)

**Много ты понимаешь!** = Ничего ты не понимаешь. (В курилке можно познакомиться с нужными людьми).

Или:

– “Я тебе помогу”. – **“От тебя дождешься!”**

<sup>9</sup> Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с.38.

<sup>10</sup> Лаптева О. А. Узус как арена языкового изменения // «Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста». М., 2002, с. 345.

<sup>11</sup> Слюсарева Н. А. Теория Фердинанда де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975, с. 14.



*От тебя дождешься!* = *Не дождешься (от тебя ничего).*

Интонация позволяет эксплицировать любое скрытое значение (“значение говорящего”). Экплицируется то, что имплицитно содержится в высказывании. Имплицитность предполагает потенциальную эксплицитность. Имплицитность как лингвистическое явление существует постольку, поскольку существует эксплицитность, то есть имеется оппозиция имплицитность – эксплицитность (заметим – нет системы из одного знака). Неэкплицируемая информация (или значение), на наш взгляд, внутренний мотив, но не имплицитный смысл. Имплицитные значения легко воспринимаются носителями языка. Иностранцам же такие значения часто представляются непонятными, неожиданными, поэтому этот аспект должен занять определенное место в обучении иностранцев живой русской речи. Такие стационарные предложения, как *Здравствуй (-те)*, *Я ваша тетя*, *Очень нужны они мне!* *Хрен я ей верну*, в повседневной речи русских употребляются как в буквальном, так и в переносном значениях (*Здравствуй (-те)* – как “приветствие” и как “удивление”; *Я ваша тетя* – в буквальном смысле и как “удивление-возражение”; *Очень нужны они мне!* – как “необходимость” и наоборот; *Хрен я вам верну* – в прямом значении и в значении “ничего не верну”). Омонимия данных высказываний – это результат их эмоционального переосмысления говорящим. Задача лингвистов-практиков – уделить серьезное внимание описанию омонимичных высказываний при обучении, в данном случае, русскому языку как иностранному, ибо они нередко затрудняют процесс общения и в ряде случаев даже представляют опасность: возникает возможность неверного осмысления реплики.

Яркой иллюстрацией изложенного может служить анекдот, рассказанный профессором МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой: за границей женщину, говорящую только по-русски, судят за кражу: [Судья:] *Вы обвиняетесь в том, что украли курицу. Это правда?* [Подсудимая:] *Брала я вашу курицу!* [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что она курицу взяла.* [Судья:] *Зачем вы это сделали?* [Подсудимая:] *Да отстаньте! Нужна мне ваша курица!* [Переводчик:] *Она говорит, что курица была ей нужна.* [Судья:] *Вы специально приехали к нам, чтобы воровать?* [Подсудимая:] *Ну как же, я нарочно из Одессы приехала, чтобы украсть вашу курицу. Делать мне больше нечего!* [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что приехала из Одессы специально, чтобы заниматься преступной деятельностью, так как дома она не может найти работу.* [Судья:] *Да за это вас могут посадить в тюрьму – на срок до шести месяцев!* [Подсудимая:] *Всю жизнь мечтала оказаться за решёткой.* [Переводчик:] *Она говорит, что главная цель её жизни – попасть в тюрьму.* [Судья:] *Она что, сумасшедшая?* [Подсудимая:] *Здравствуйте, я ваша тетя!* [Переводчик:] *Она вас приветствует и говорит, что является вашей близкой родственницей.* [Судья (устало):] *Ну если она родственница, то пусть заплатит хотя бы штраф.* [Подсудимая:] *Хрен вам!* [Переводчик:] *Подсудимая предлагает расплатиться овощами!* [Судья:] *Уберите отсюда эту ненормальную!* [Подсудимая (уходя):] *Ну и пёс с вами!* [Судья (испуганно):] *Что, что она говорит?*

[Переводчик:] *Если я правильно понял, она уходит, а собачку оставляет вам*<sup>12</sup>.

Неправильное понимание подобных высказываний иностранца-ми/инофонами (если исключить фактор “интонационной глухоты”) свидетельствует об отсутствии у них знаний о существовании в русском языке их переносного употребления, а также незнание таких модусных смыслов, как “отрицание через утверждение” и “утверждение через отрицание”, то есть аккумулятивная функция языка, или функция накопления общественного опыта и знаний, низведена до нуля. Другая причина – отсутствие данных значений в родном языке: например, во французском или английском языках названные высказывания в указанных значениях не употребляются, даже как окказиональные.

Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога. Дж.О’Коннор и Дж.Сеймор в книге “Введение в нейролингвистическое программирование” пишут: “Различие создается не тем, что мы говорим, а тем, как мы это говорим. Маргарет Тэтчер затратила уйму времени и усилий на то, чтобы изменить свой голос. Тон голоса и язык телодвижений определяют, будет ли слово “привет” звучать как простое приветствие, как угроза, как подавление или как очаровательное восклицание.

Каждый из нас выражает множество оттенков смысла в ежедневных разговорах и, вероятно, имеет дюжину различных способов сказать “нет”, только мы не думаем об этом сознательно”<sup>13</sup> (правильно: *только мы не осознаем это.* – Л. М.).

Заметим, что внутренний мотив и имплицитный смысл относятся к сущностям различного порядка: первый – психологического, второй – языкового. Соглашаясь с авторами “Язык и сознание: парадоксальная рациональность”, в частности с А. И. Стеценко, что “... вопрос о действительном онтологическом статусе языковых явлений не может быть решен путем апелляции к ментальности, вообще к сущностям психологического (или любого другого неязыкового) порядка, т.к. это есть путь бесконечной редукции языка к явлениям другого уровня, а также выход за рамки лингвистической предметной области, который не обеспечивает создание междисциплинарных, системных моделей языка”<sup>14</sup>, мы, однако, не исключаем возможности рассмотрения существования имплицитности как в языке (или речевой деятельности), так и в форме той или иной “структуры сознания”, “когнитивной структуры”. Однако это – объект самостоятельного исследования.

Интенциональный смысл проективного высказывания<sup>15</sup>, иначе говоря,

---

<sup>12</sup> См.: **Панков Ф. И.** Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // «Мир русского слова». СПб., 2013, № 2, с. 72–80.

<sup>13</sup> **О’Коннор, Сеймор Дж.** Введение в нейролингвистическое программирование. Как понимать людей и как оказывать влияние на людей. Челябинск, 1998, с. 34–35.

<sup>14</sup> **Стеценко А. П.** О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // «Язык и сознание: парадоксальная рациональность». М., 1993, с. 27.

<sup>15</sup> См. о проективном тексте и высказывании: **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.**

подтекст – это та субъективная информация (в отличие от модуса), которая продиктована намерением говорящего и не вытекает из объективного содержания высказывания. Подтекст закладывается в высказывание в виде дополнительного слоя на прагматической семантике и воспринимается слушателем иначе, чем прагматическая информация. Подтекст проективного высказывания выводится из контекста сверхфразового единства.

Модус и подтекст, хотя и являются “носителями” субъективной информации, относятся, однако, к сущностям различного порядка: модус – фразового, подтекст – сверхфразового. Если модус – смысловой организующий стержень предложения-высказывания, то подтекст (конситуативный признак проективного высказывания) – смысловой организующий стержень проективного текста.

Интенция (намерение) говорящего фокусируется в проективном высказывании, обеспечивая расшифровку подтекста. Расшифровать, эксплицировать подтекст позволяет контекст. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров с целью лингвокультурологического прочтения проективных текстов сформулировали “правило контекста”, позволяющее расшифровывать текст<sup>16</sup>. Однако интенциональный смысл (подтекстовая информация, или “приращение смысла”) проективного высказывания легко воспринимается носителями русской культуры, располагающими (или обладающими) определенными фоновыми знаниями, помогающими понять текст.

Рассмотрим несколько примеров из повести “Маша и Феликс” талантливой русской писательницы В. Токаревой.

*Сталин когда-то выделил евреям Биробиджан. Может быть, это был Ленин. Но дело не в том – КТО, а в том – ГДЕ. Биробиджан – у черта на рогах, там холодно, темно и неудобно. Евреи – народ южный, теплолюбивый. Они расселились в основном в Киеве и Одессе – жемчужине у моря. Можно понять.*

Выделение автономии евреям – факт положительный, однако выделили “не в Киеве и Одессе”, где евреи, “народ южный, теплолюбивый, расселились”, а “в холодном, темном и неудобном Биробиджане”, иначе (то есть читай) – сослали.

Другой пример:

*У Вали время от времени появлялась работа – сопровождать лекции. Например, если тема лекции: “Чехов и борьба с пошлостью” – она читала монолог Нины Заречной или монолог Сони “Ах, как жаль, что я некрасива”. Однако Валя не забывала про свои глазки и кудряшки, и Соня в ее исполнении получалась довольно жеманная. Но поскольку на лекции приходило не больше десяти старух, то все это не имело никакого значения: ни Чехов, ни его борьба с пошлостью, ни актриса в стареньком итапельном платье.*

Подтекст: Хотя и тема лекции называлась “Чехов и борьба с пошлостью”, все, что делалось, и то, как делалось, было пошло.

---

Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990, с. 127–130.

<sup>16</sup> См.: там же, с. 130.

Или:

*Сам Феликс тоже имел низкую самооценку. Он говорил о себе: “Я – одесская фарца”. Он иногда скупал у моряков партию женских колготок, потом продавал втридорога. Тогда это называлось “фарца” и спекуляция. Сейчас – бизнес. Тогда за это сажали, сейчас – все государство на разных уровнях скупает и продает.*

Читай: Все государство – фарца, все государство занимается спекуляцией, за что сажать, возможно, надо.

В повести “Маша и Феликс” В. Токаревой подтекст живет полноценной жизнью. Неносители языка (иностранцы/инофоны), которые, в отличие от россиян, не владеют фоновыми знаниями, расшифровать такую информацию не могут. Им часто представляются непонятными, неожиданными и значения, которые имплицитно содержатся в высказывании. Поэтому эти два аспекта, модусный и интенциональный, – столь близкие, столь похожие, однако различные, – должны занять определенное место в обучении иностранцев/инофонов живой русской речи.

Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, к сожалению, “... не все преподаватели распознают разницу между прагматичным и проективным способами коммуникации. Между тем надо не только самим уметь различать их, но и научить этому учащихся”<sup>17</sup>.

Обладая смысловой самостоятельностью, проективные тексты не могут быть правильно истолкованы вне соотнесения с фактами культуры, что подтверждает мысль, высказанную В. Н. Телия: “...”чужая культура – это идиома”, поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и не *отрефлектировано*”<sup>18</sup> (курсив наш – Л.М.).

Задача же лингвистов – разработать эксплицитный метаязык, который позволит описать имплицитное в языке и в речи.

**Ключевые слова:** *высказывание, модус, скрытый смысл, интонация, проективный текст, интенциональный смысл, подтекст*

**ԼԻԱՆՆԱ ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ – Մոդուլը և ենթատեքստը. նմանության պատրանք** – Մոդուլը և ենթատեքստը լեզվաբանական տարբեր հասկացություններ են: Մոդուլը ասույթի իմաստային կառուցվածքի առանցքն է, ենթատեքստը՝ պրոյեկտիվ տեքստի: Իմաստը, որը նկատի ունի խոսողը, միշտ չէ, որ համընկնում է ասույթի ուղղակի նշանակությանը: Թաքնված իմաստը՝ մոդուսային նշանակությունը, արտահայտվում է ինտոնացիայի միջոցով: Ի տարբերություն պրագմատիկ տեքստի՝ պրոյեկտիվ տեքստը ճիշտ ընկալելու համար պահանջվում է նաև մշակույթի իմացություն:

**Բանալի բառեր** – *ասույթ, մոդուս, թաքնված իմաստ, ինտոնացիա, պրոյեկտիվ տեքստ, միտումնավոր իմաստ, ենթատեքստ*

<sup>17</sup> **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Указ. соч., с. 114.

<sup>18</sup> **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996, с. 226.

**LIANNA MATEVOSYAN – *Modus and Subtext: the Illusion of Identity.*** – Modus and subtext are different categories. The value implied by speaker does not always correspond to the objective meaning of the utterance. “The value implied by speaker”, or hidden meaning, is realized through the intonation. Teachers should be aware of the difference between pragmatic and projective methods of communication for adequate delivering it to students. Projective text cannot be correctly interpreted without a good knowledge of the relevant culture.

**Key Words:** *utterance, modus, hidden meaning, intonation, projective text, subtext, intentionally meaning*

---

## КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КОНЪЮНКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ОТРИЦАНИЯ

АНУШ АКОПЯН

Среди сложносочиненных конструкций русского языка определенное место занимают двучленные конъюнктивные языковые высказывания *A, и B*, в которых союз недифференцированного значения *и* оформляет как собственно соединительные, так и несобственно соединительные отношения. Как известно, этот союз представляет сочинение в наиболее чистом, неосложненном виде, соединяя два или более простых предложения, и, обладая функциональной гибкостью, является потенциальным носителем широкого круга соединительных значений: результативного, следственного, противительного и уступительного характера. Соединительные отношения в предложениях с несобственно соединительным значением контекстуально осложнены. Они могут иметь "позитивную" или "негативную" квалификацию связи, а также быть "присоединительно-комментирующими"<sup>1</sup>. "Несмотря на наличие нанизывания предложений, материал древнерусских памятников позволяет говорить о вполне сложившейся структуре двучленного сложносочиненного предложения с союзом. Эти предложения можно выделить из следующих друг за другом предложений с союзом в начале каждого из них"<sup>2</sup>. В конъюнктивных языковых высказываниях компоненты *A* и *B* являются простыми предложениями, соположенными линейно, и, как правило, отличающимися друг от друга. Такие высказывания характеризуются системой отношений, в формировании смысловой структуры которых могут участвовать различные грамматические средства, выражающие отрицание. Исследование отрицания в плане соотношения формы и содержания является одной из важных проблем лингвистики. "Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы"<sup>3</sup>.

Мы будем рассматривать двучленные конъюнктивные высказывания русского языка, и в зависимости от наличия или отсутствия негации в составляющих простых предложениях проведем кластеризацию, т.е. выделим определенные классы. "Факты и явления должны быть упорядочены, прежде чем мы сможем их понять и разработать общие принципы, объясняющие их появление и видимый порядок. С этой точки зрения, классификация является интеллектуальной деятельностью высокого уровня, необходимой нам для пони-

---

<sup>1</sup> «Русская грамматика». Т. II. М., 1980, с. 617–618.

<sup>2</sup> Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 512.

<sup>3</sup> «Языкознание. Большой энциклопедический словарь». М., 1998, с. 354.

мания природы"<sup>4</sup>. Кластеризация и распознавание образов является одним из фундаментальных прикладных методов исследования в науке и представляет собой область наиболее древних и не самых простых научных начинаний. "Методы кластерного анализа можно применять в различных ситуациях, встречающихся в исследованиях как научных, так и чисто прикладного характера"<sup>5</sup>. Задачей кластерного анализа является процесс создания таких кластеров (групп, классов), где образы внутри каждого кластера являются в некотором количественно-формальном или качественно-содержательном смысле более сходными и близкими друг другу, чем несходные и разнородные образы из разных кластеров<sup>6</sup>. Процесс распознавания заключается в определении принадлежности некоторого образа к одному из уже заранее известных кластеров. "Когда класс характеризуется некоторыми общими свойствами, присущими всем его членам, построение системы распознавания может основываться на принципе общности свойств"<sup>7</sup>.

Для проведения кластеризации двучленных сложносочиненных предложений относительно отрицания мы возьмем за основу уже имеющиеся в традиционной грамматике две отличающиеся друг от друга группировки простых предложений (I, II).

**(I)** Первая группировка простых предложений относительно отрицания основана на модальности. В каждом предложении высказывается та или иная мысль, которая или утверждается как реальное, или отрицается как нереальное. По характеру выражаемого отношения к действительности простые предложения русского языка делятся на утвердительные и отрицательные. Указывая на "колоссальное психологическое и логическое значение" категории отрицания, А.М.Пешковский пишет: "(...) утверждение и отрицание взаимно обуславливают друг друга, а где нет утверждения, там нет и истины, там нет и человеческой мысли (...)"<sup>8</sup>. И далее он отмечает, что "(...) если только относящееся к сказуемому отрицание создает отрицательную мысль, то, значит, только сказуемое и выражает мысль"<sup>9</sup>.

В зависимости от определенного отношения категории отрицания к категории сказуемости все отрицательные предложения, в свою очередь, делятся по своему логико-грамматическому характеру на общеотрицательные и частноотрицательные. В результате этого были выделены три группы простых предложений:

**I-1)** общеотрицательные, где отрицание распространяется на все предложение в целом;

**I-2)** частноотрицательные, где отрицается лишь один из семантических компонентов предложения;

**I-3)** утвердительные, т.е. предложения, в которых утверждается смысл

---

<sup>4</sup> Сокал Р. Р. Кластер-анализ и классификация: предпосылки и основные направления // «Классификация и кластер». М., 1980, с. 7.

<sup>5</sup> Дюран Б., Оделл П. Кластерный анализ. М., 1977, с. 14.

<sup>6</sup> Там же, с. 15.

<sup>7</sup> Ту Дж., Гонсалес Р. Принципы распознавания образов. М., 1978, с. 28.

<sup>8</sup> Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 386.

<sup>9</sup> Там же, с. 388.

выраженной мысли (они бедны грамматическо-структурными формами выражения)<sup>10</sup>.

При классификации сложносочиненных предложений с союзом *и* будет учитываться тип группы, к которой принадлежит каждая из составляющих частей. При классификации необходимо также учитывать, что союз *и* в языковых конъюнктивных высказываниях может иметь как симметричное, так и асимметричное употребление. Так, если в предложениях с собственно соединительным значением возможна обратимость частей, то в предложениях с несобственно соединительным значением обратимость недопустима. Во многих случаях смысл высказывания *A, и B* отличен от смысла высказывания *B, и A*, и порядок простых предложений *A* и *B* передает отношение временного предшествования<sup>11</sup>. А в тех случаях, когда допустима обратимость частей, т.е. высказывания *A, и B* и *B, и A* тождественны по смыслу, то либо части *A* и *B* не находятся в порядке предшествования, либо полностью не зависят друг от друга, и тогда с формальной точки зрения возможно применение логической функции конъюнкции, где *A и B* равносильно *B и A*. Рассматривая взаимоотношения между логическими связками и естественно-языковыми союзами, В. З. Санников отмечает: “Тем самым мы должны признать, что, в отличие от логической связки “конъюнкция”, конструкции естественного языка могут содержать слабый, факультативный компонент – указание на то, что вторая часть – нормальное следствие первой. Впрочем, во многих других случаях этот компонент отсутствует, и тут мы действительно имеем дело с “чистой конъюнкцией””<sup>12</sup>.

Итак, взяв за основу выделенные выше три группы простых предложений (**I**) и опираясь на указанную неравноценность высказываний *A, и B* и *B, и A*, нами проведена классификация языковых конъюнктивных высказываний относительно отрицания, в результате чего были получены девять классов **I(1-9)**. В каждый из этих выделенных классов входят все те сложносочиненные двучленные предложения типа *A, и B*, которые удовлетворяют указанным ниже свойствам (примеры приведены только с отрицательной частицей *не*).

**I(1)** Обе части *A* и *B* являются общеотрицательными предложениями: *Вечером он не позвонил ей, и долгожданная встреча не состоялась. Холода не наступили, и листья не опали. Автобус не остановился, и мы не смогли сесть в него.*

**I(2)** Первая часть *A* является общеотрицательным предложением, а вторая часть *B* – частноотрицательным: *С самого утра порывистый ветер не утихал, и туристы воспользовались не воздушным транспортом. Перед его выходом ключ от замка не нашелся, и это случилось совсем не вовремя. Компас не работал, и мы пошли не в ту сторону.*

**I(3)** Первая часть *A* является общеотрицательным предложением, а вторая часть *B* – утвердительным: *Ночью осенних заморозков не было, и, к сча-*

<sup>10</sup> «Современный русский язык». Ч. II. «Морфология. Синтаксис». М., 1964, с. 290.

<sup>11</sup> Брутян Л. Г. Лингвистический анализ языковых выражений конъюнкции. Ер., 1983, с. 19.

<sup>12</sup> Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008, с. 46.



стью, яблоневый сад был спасен. Утро еще не настало, и будильник почему-то зазвенел. Знаменитая певица не смогла приехать на гастроли, и ее сольный концерт был отменен.

**I(4)** Первая часть *A* является частноотрицательным предложением, а вторая часть *B* – общеотрицательным: *Лодка причалила не к пристани, и они не могли сойти на берег. Он решил не свою задачу, и преподаватель не похвалил его. На первое свидание он пришел не с цветами, и она не простила его.*

**I(5)** Обе части *A* и *B* являются частноотрицательными предложениями: *Она сидела сегодня не на отведенном ей месте, и не всем присутствующим хотелось замечать этого. Не все вещи были разложены по своим местам, и книга лежала не на нужной полке. Не яркое солнце светит мне сегодня, и удача улыбается не мне.*

**I(6)** Первая часть *A* является частноотрицательным предложением, а вторая часть *B* – утвердительным: *Наши студенты участвовали в конкурсе не в этом году, и мы решили включить их в список будущего года. Не мне делать тебе замечания, и с сегодняшнего дня ты будешь жить самостоятельно. Расцветка оказалась не в моем вкусе, и я выбрала другое платье.*

**I(7)** Первая часть *A* является утвердительным предложением, а вторая часть *B* – общеотрицательным: *Недавно смазанная калитка отворилась очень тихо, и собаки не залаяли. Чайник наконец-то закипел, и мы не смогли найти любимого бабушкиного варенья. Поверь мне, и я никогда не разочарую тебя.*

**I(8)** Первая часть *A* является утвердительным предложением, а вторая часть *B* – частноотрицательным: *На празднике было очень весело, и не все гости решили уйти. Юбилейный концерт начался, и он, к всеобщему удивлению, запел не своим голосом. Звонок на урок прозвенел с опозданием, и группа вошла не в свою аудиторию.*

**I(9)** Обе части *A* и *B* являются утвердительными предложениями: *Я люблю тебя, и ты это знаешь. Зазвенели колокола, и прихожане собрались у церкви. Ваза с подснежниками стояла на столе, и весенний аромат наполнял всю комнату.*

Отметим, что первое предложение *A* в классах I(1,2,3) является общеотрицательным, в классах I(4,5,6) – частноотрицательным, в классах I(7,8,9) – утвердительным; второе предложение *B* в классах I(1,4,7) является общеотрицательным, в классах I(2,5,8) – частноотрицательным, а в классах I(3, 6,9) – утвердительным.

“Отрицание и утверждение – явления взаимосвязанные. По смыслу всякое отрицание есть утверждение противоположного. (...) Любое явление, признак, характеристика в языке могут быть представлены как утверждаемые или отрицаемые”<sup>13</sup>.

**(II)** Все простые предложения по отношению к отрицанию подразделяются также на следующие три группы, которые различаются средствами выражения отрицания и грамматическими свойствами составляющих предложение слов<sup>14</sup>:

<sup>13</sup> «Русская грамматика». Т. II, с. 402.

<sup>14</sup> Там же, с. 403; **Степанов Ю. С.** Современные связи лингвистики и логики. Категории функции, пропозициональной связки, синтаксического отрицания // «Вопросы языкознания», 1973, № 4, с. 71.

**II-1)** собственно отрицательные, где отрицание является обязательным и постоянным элементом передачи информации (без отрицательного элемента не существуют);

**II-2)** с факультативным отрицанием, где наличие или отсутствие отрицания зависит от характера передаваемой информации (таких в русском языке большинство);

**II-3)** собственно утвердительные, вообще не принимающих отрицания, где отсутствие отрицания есть утверждение противоположного.

В группе II-1 часто встречаются предложения, в которых сообщается либо о субъекте обобщенном или неопределенном, либо о несуществующем. Относительно безличных отрицательных предложений А.А.Шахматов писал: "Предложения эти восходят к глубокой древности (...). Происхождение таких предложений связано с развитием безличности: когда вместо предложения типа *не был хлеб* явилось предложение *не было хлеба*, отсутствие согласования между прежним подлежащим и прежним сказуемым повело к замене формы именит. падежа формой родительного отложительного, известного в отрицательных предложениях"<sup>15</sup>. Отметим также, что в таких собственно отрицательных предложениях определенное место занимают конструкции с генитивным субъектом и "безличным" глаголом. "Конструкция с генитивным субъектом занимает умы великих синтаксистов на протяжении нескольких веков. Она интересна не только сама по себе: на примере этой конструкции можно продемонстрировать важные достижения лингвистики последних десятилетий, которые способствовали проникновению в ее суть. Главное, что интересно сопоставить, – это дескриптивный подход, который формулировал правила употребления ГК, и семантический, который пытается дать особенностям употребления семантическое обоснование"<sup>16</sup>.

Взяв за основу вторую группировку простых предложений (**II**) и учитывая необратимость высказываний *А, и В* и *В, и А*, нами проведена другая классификация конъюнктивных языковых высказываний относительно отрицания, в результате чего нами были получены также следующие девять классов **II(1-9)**.

**II(1)** Обе части *А* и *В* являются собственно отрицательными предложениями: *Нужных выводов из сложившейся ситуации не было сделано, и близких друзей у него не осталось. Счастья так и не прибавилось, и денег, к сожалению, не появилось. Времени у нас не оставалось, и долгожданных решений не было принято.*

**II(2)** Первая часть *А* является собственно отрицательным предложением, а вторая часть *В* – предложением с факультативным отрицанием: *Их не переубедить, и я не согласилась с приговором. Соседей не выселить, и мы тоже не хотели этого. Грибов на опушке леса не оказалось, и мы не пошли обратно домой с пустыми корзинками.*

**II(3)** Первая часть *А* является собственно отрицательным предложением, а вторая часть *В* – собственно утвердительным: *Необходимых улик на месте пре-*

---

<sup>15</sup> Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001, с. 121-122.

<sup>16</sup> Падучева Е.В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // «Вопросы языкознания», 2005, № 5, с. 84.

*ступления следователем не было найдено, и как нам дальше быть. Его силой не остановить, и он на голову выше. На нем не было никакой одежды, и смеху-то!*

**II(4)** Первая часть **A** является предложением с факультативным отрицанием, а вторая часть **B** – собственно отрицательным: *Он не пришел на свидание, и нам этого не понять. Музыка не заиграла, и нас там больше не задержать. Клоуны на день рождения близнецов не пришли, и праздник не в праздник.*

**II(5)** Обе части **A** и **B** являются предложениями с факультативным отрицанием: *Вчера вечером я не смог поймать такси, и мои друзья не дождались меня. Мячик не подпрыгивал высоко, и дети не захотели продолжить начатую игру. Сегодня утром бабушка не успела накрыть на стол, и мы, торопясь на занятия, не позавтракали.*

**II(6)** Первая часть **A** является предложением с факультативным отрицанием, а вторая часть **B** – собственно утвердительным: *Он не отдавал долги, и что с него возьмешь. Любимая футбольная команда не выиграла кубок, и надо же такое! Ветераны войны не встретились на следующий год, и такова судьба!*

**II(7)** Первая часть **A** является собственно утвердительным предложением, а вторая часть **B** – собственно отрицательным: *Вот это условия, и спортсменам не выдержать такого сложного испытания! Хоть умри, и нас никому не перекричать и не переубедить! Сколько в моей жизни ошибок, и ничего тут не исправишь!*

**II(8)** Первая часть **A** является собственно утвердительным предложением, а вторая часть **B** – предложением с факультативным отрицанием: *Ну и подарки, и деньги не кончились! Ох уж этот твой характер, и мы не смогли подготовиться к долгожданной встрече. Ну и погода, и мы с ребятами не пойдём на матч.*

**II(9)** Обе части **A** и **B** являются собственно утвердительными предложениями: *Ну ты и решаешь, и методы твои так методы! Вот это встреча, и друзья как друзья! Радости в голосе, и благодарностей во взгляде!*

Отметим, что первое предложение **A** в классах II(1,2,3) является собственно отрицательным, в классах II(4,5,6) – с факультативным отрицанием, в классах II(7,8,9) – собственно утвердительным; второе предложение **B** в классах II(1,4,7) является собственно отрицательным, в классах II(2,5,8) – с факультативным отрицанием, в классах II(3,6,9) – собственно утвердительным.

Для проведения сопоставительного анализа полученных классов необходимо вначале выявить взаимосвязь группировок I и II. Из определения этих группировок мы замечаем, что выполняются следующие утверждения:

**а)** все собственно отрицательные предложения являются общеотрицательными, поскольку отрицание в них находится при сказуемом или главном члене, выражающем предикативный признак, т.е. группа предложений II-1 входит в группу I-1;

**б)** все собственно утвердительные предложения являются утвердительными, т.е. группа предложений II-3 входит в группу I-3;

**в)** все частноотрицательные предложения являются предложениями с факультативным отрицанием, т.е. группа предложений I-2 входит в группу II-2;

**г)** все общеотрицательные предложения группы I-1, не являющиеся соб-

ственно отрицательными, входят в группу предложений с факультативным отрицанием П-2;

д) все утвердительные предложения группы I-3, не являющиеся собственно утвердительными, входят в группу предложений с факультативным отрицанием П-2.

Из этих утверждений ( $a - d$ ) следует, что между выделенными классами классификаций I и II имеется следующая формально-содержательная взаимосвязь:

- класс II(1) является подклассом класса I(1) – (утверждение  $a$ );
- класс II(9) является подклассом класса I(9) – ( $b$ );
- класс I(5) является подклассом класса II(5) – ( $e$ );
- класс II(3) является подклассом класса I(3) – ( $a, b$ );
- класс II(7) является подклассом класса I(7) – ( $a, b$ );
- класс I(4) является подклассом объединения классов II(4) и II(5) – ( $e, z$ );
- класс I(6) является подклассом объединения классов II(5) и II(6) – ( $e, d$ );
- класс I(2) является подклассом объединения классов II(2) и II(5) – ( $a, e, z$ );
- класс I(8) является подклассом объединения классов II(8) и II(5) – ( $b, e, d$ );
- класс II(2) является подклассом объединения классов I(1), I(2) и I(3) – ( $a, e, z, d$ );
- класс II(8) является подклассом объединения классов I(7), I(8) и I(9) – ( $b, e, z, d$ );
- класс II(4) является подклассом объединения классов I(1), I(4) и I(7) – ( $a, e, z, d$ );
- класс II(6) является подклассом объединения классов I(3), I(6) и I(9) – ( $a, e, z, d$ ).

Остальные классы I(1), I(3), I(7), I(8) и II(5) имеют пересечения более, чем с тремя классами соответственно из классификаций II и I. Отметим, что в тех сложносочиненных предложениях, где хотя бы одна из частей является собственно отрицательным или собственно утвердительным простым предложением (предложения всех классов классификации II, кроме класса II(5)), связь между составляющими частями является более слабой, и конъюнктивная языковая конструкция, во многих случаях, может иметь обратимый характер. При этом, в тех предложениях, где обе части являются собственно отрицательными или собственно утвердительными простыми предложениями (классы II(1,3,7,9)), процесс обратимости становится более возможным.

Рассматриваемые группы простых предложений в группировках I и II содержат определенные подгруппы, которые могут образовывать в выделенных классах соответствующие подклассы. Так, например, в группу I-3 входят предложения с категорическим утверждением, полученные в результате применения двойной негации в составе сказуемого или при главных членах общеотрицательного предложения. Предложения с особым усилительным смыслом, полученные посредством особых сочетаний частицы *ни*, поставленной перед глаголом в сочетании с местоименными словами *где, куда, когда, как*,

могут образовывать как утвердительные<sup>17</sup>, так и отрицательные<sup>18</sup> предложения. Подгруппы могут быть образованы также простыми предложениями, усложненными языковыми кванторами всеобщности (универсальности) и существования (частности), где кванторами всеобщности являются слова *все, для всех, всякий, каждый* и др., а кванторами существования – *существует, найдется, некоторый, несколько, хотя бы одно* и др. При этом требуется дальнейшее исследование воздействия отрицания на переход одних кванторов в другие. "Исследование соотношения языковой и логической форм на примере семантического поля отрицания проливает свет на то обстоятельство, почему суждения с противоположным качеством (Е) и (А) не находятся в отношениях противоречия: на основе указанных здесь двух методов (процедур) первое может переходить во второе без изменения его смысла"<sup>19</sup>. Здесь через (Е) обозначено общеотрицательное суждение, а через (А) – общеутвердительное, а указанными методами или процедурами являются замена сказуемого с отрицанием на его антоним без отрицания и преобразование предиката с отрицанием в предикат без отрицания с перенесением отрицания в состав несказуемого члена. Отметим, что в логике символом  $\forall$  (перевернутая А) условно обозначается квантор общности по первой гласной букве латинского слова *affirmo* (утверждаю) и читается "для всех", а символом  $\exists$  (перевернутая Е) условно обозначается квантор существования по первой гласной букве латинского слова *nego* (отрицаю) и читается "не для всех", что равносильно "существует".

Отметим, что при проведенной нами кластеризации не был учтен указанный в начале статьи характер соединительных значений союза *и*, в результате чего в каждом полученном классе образуется по четыре подкласса. Так, например, в классе **I(1)**, в которых *A* и *B* являются общеотрицательными простыми предложениями, образуются подклассы  $\Gamma^1(1)$ ,  $\Gamma^2(1)$ ,  $\Gamma^3(1)$ ,  $\Gamma^4(1)$ , где в  $\Gamma^1(1)$  войдут сложносочиненные предложения *A, и B* с соединительно-результативным, в  $\Gamma^2(1)$  – с соединительно-следственным, в  $\Gamma^3(1)$  – с соединительно-противительным и в  $\Gamma^4(1)$  – с соединительно-уступительным значениями. Выделение этих подклассов является задачей, на порядок сложнее поставленной, поэтому она требует дальнейшего более подробного как содержательного, так и формального научного исследования. Отметим также, что проведение аналогичной кластеризации еще более усложнится, если мы будем учитывать классификацию двучленных сложносочиненных предложений с союзом *и* на собственно соединительные и семантически осложненные несобственно соединительные предложения.

Таким образом, наличие или отсутствие негации в составляющих частях языковых конъюнктивных высказываний позволяет проводить кластеризацию, в результате чего могут быть выделены разнообразные по своей формально-содержательной структуре классы и подклассы, которые находятся в тесном переплетении. Предложения одного и того же класса имеют общие

<sup>17</sup> «Современный русский язык», ч. II. с. 293.

<sup>18</sup> Падучева Е. В. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // «Вопросы языкознания», 2011, № 1, с. 3–18.

<sup>19</sup> Кривонос А. Т. Отрицание в предложении и отрицание в умозаключении (опыт семантического анализа отрицаний в тексте) // «Вопросы языкознания», 1986, № 1, с. 48.

показатели, которые играют существенную роль в вопросе соотнесения высказывания и его частей с действительностью. Для выявления характерных показателей необходимо провести логико-грамматический анализ исследуемого языкового высказывания, что является основой в вопросе выявления принадлежности этого высказывания к одному из выделенных классов, т.е. в процессе распознавания. Отметим, что нами ранее были также проведены классификации конъюнктивных языковых высказываний относительно одновременной модальной характеристики составляющих частей<sup>20</sup> и имплицативных бессоюзных языковых высказываний относительно отрицания<sup>21</sup>. Проведенные нами классификации конъюнктивных, дизъюнктивных и имплицативных высказываний русского языка относительно отрицания могут служить основой для их разностороннего сравнительного анализа.

**Ключевые слова:** конъюнктивное высказывание, отрицание, кластеризация, группа, класс

**ԱՆՈՒՇ ՀԱՎՈՒՅԱՆ – Ժխտման նկատմամբ կոնյունկտիվ արտահայտությունների դասակարգում** – Հոդվածում դիտարկվում են երկանդամ կոնյունկտիվ արտահայտություններ, որոնք ռուսերենի բարդ համադասական կառույցներում որոշակի տեղ են զբաղեցնում: Այդպիսի արտահայտությունների իմաստային կառուցվածքի ձևավորմանը կարող է մասնակցել նաև ժխտումը: Կախված պարզ նախադասության շարքում ժխտման առկայությունից կամ բացակայությունից՝ կատարվել է դասակարգում և առանձնացվել են ժխտման նկատմամբ կոնյունկտիվ արտահայտությունների որոշակի դասեր: Ավանդական քերականության մեջ արդեն գոյություն ունեցող պարզ նախադասությունները երկու խմբի բաժանելու հիման վրա հեղինակը դիտարկվող արտահայտություններում ստացել է իննական դաս: Այնուհետև խմբերի փոխկապակցվածության վերլուծությամբ կատարվել է ստացված դասերի համեմատական տրամաբանաքերականական վերլուծություն:

**Բանալի բառեր** – կոնյունկտիվ արտահայտություն, ժխտում, դասակարգում, խումբ, դաս

**ANOUH HAKOBYAN – Clustering of Conjunctive Statements Concerning Negation.** – The author considers binomial conjunctive statements with their certain place among compound structures of the Russian language. Negation may participate in formation of the semantic structure of such statements. Clustering is performed depending on the presence or absence of negation as component in simple sentences, and as a result, certain classes of conjunctive statements were allocated concerning the negation. Two classifications of considered statements concerning the negation are carried relying on existing in traditional grammar two groups of simple sentences, and it leads to nine classes. The author gives the logical-grammatical comparative analysis of obtained classes.

**Key words:** conjunctive statement, clustering, group, class, negation

<sup>20</sup> **Акопян А. В.** Классификация сложносочиненных предложений по конъюнктивным признакам // «Лингвистические исследования». Сборник статей. Ер., 2009, с. 3–10.

<sup>21</sup> **Акопян А. В.** Отрицание в бессоюзном сложном предложении с условно-следственным значением // «Лингвистические исследования», Ер., 2002, с. 18–23.

# КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

---

## **Декабрьские литературные чтения. Сборник статей. Ереван, издательство ЕГУ, 2014, 136 с.**

Вышел в свет последний, 12-й, выпуск подготавливавшегося кафедрой русской литературы ЕГУ сборника статей «Декабрьские литературные чтения». История сборника начинается с 1988 года, когда после проведения очередной конференции на факультете возник, как всегда, вопрос, где можно опубликовать литературоведческие статьи. Деканом факультета русского языка и литературы ЕГУ (в те годы так назывался факультет русской филологии) и заведующим кафедрой русской литературы был Левон Мкртчян, ему и принадлежит идея выпуска этого сборника. Тогда были очень популярны Декабрьские вечера, проводившиеся в музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, которые, может быть, ассоциативно и навеяли название сборника, к тому же своего рода отчетные конференции проводились на факультете в декабре месяце. И еще такая деталь: Левон Мкртчян любил красиво и оригинально иллюстрированные книги, сам занимался оформлением своих книг и считал, что мелочей в этом деле не бывает. Лаборантами кафедры русской литературы были в то время К. Мхитарян и автор настоящей рецензии. Мы занимались подготовкой сборника к печати, и как-то раз в нашем присутствии Левон Мкртычевич взял кусочек ватки, обмакнул его в чернила и изобразил на листе бумаги обложку будущего сборника. Так началась жизнь «Декабрьских литературных чтений».

Первые три выпуска составлялись по материалам научных конференций, ежегодно проводимых на факультете (1988, 1989, 1990 гг.). В 90-е годы Армения оказалась в жесточайшей блокаде, и в буквальном смысле шла борьба за выживание, почему и разрыв между третьим и четвертым (1998) сборником составил целых восемь лет. С тех пор «Декабрьские литературные чтения» регулярно выходили в свет до 2014 года.

Чаще всего сборники составлялись по материалам научных конференций и отражали разнообразные интересы преподавателей факультета. Печатались статьи по широкому спектру вопросов русской литературы – классической и современной, от Ломоносова и Карамзина до авторов второй половины XX века, по вопросам теории литературы, теории и практики художественного перевода, армяно-русским литературным связям, методике преподавания русской литературы. Среди авторов «Декабрьских литературных чтений» можно выделить круг постоянных, другие же периодически менялись, круг участников расширялся, печатались и статьи преподавателей Российско-Армянского (Славянского) университета, ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова, появлялись статьи аспирантов, соискателей факультета русской филологии ЕГУ. После того как сборник стал рассылаться за пределы республики в крупнейшие российские

вузы и библиотеки, на факультете получено было письмо из Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Санкт-Петербурга, в нем говорилось о высоком профессиональном уровне статей сборника и о том, что библиотека заинтересована в дальнейшем его получении.

Представим вкратце сферу научных интересов постоянных авторов сборника, выделив основные их публикации. Со статьями по проблемам перевода, циклом статей о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также и другими выступала на страницах сборника Н. А. Хачатурян. Рассмотрению особенностей психологизма в творчестве И. С. Тургенева посвящены были две статьи К. А. Паханянц, она же – автор статьи о духовном измерении поэзии Ф. И. Тютчева, по вопросам древнерусской литературы (Кирилл Туровский), по вопросам веры у А. П. Чехова. В сборниках опубликованы были содержательные статьи К. Л. Мкртчяна (по проблемам перевода, по эпосу «Давид Сасунский», обобщающая статья «Русская литература об Армении как мегатекст»); Л. Г. Акопяна (по проблемам теории литературы, поэзии Серебряного века и др.); М. К. Айвазян (по проблемам армяно-русских литературных связей, по литературе XVIII века, о взаимодействии фольклора и литературы); М. Г. Джанполадян (по актуальным проблемам перевода, об армяно-русских литературных связях на материале произведений Григора Нарекаци, Ов.Туманяна и др.). Авторами более двух десятков статей, посвященных армяно-русским литературным связям и проблемам художественного перевода, от выпуска к выпуску, выступали сотрудники кафедры Р. А. Тер-Григорян (о переводах романа Льва Толстого «Война и мир на восточноармянский и на западноармянский языки»), М. В. Петросян (анализ переводов с русского языка на армянский и с армянского на русский на материале произведений Пушкина, Лермонтова, Туманяна, Чаренца), А. Г. Саакян, А. С. Атанесян, Ю. М. Ходжоян.

Большое место занимали в сборниках статьи, посвященные отдельным вопросам русской литературы. Среди них отметим (помимо уже упомянутых выше): ряд статей К. М. Мхитарян о поэзии Николая Заболоцкого, о Заболоцком как о преемнике натурфилософских идей; ряд статей Т. В. Миджиферджян – по проблемам творчества Достоевского, о разрушении символа в драматургии Чехова; статьи М. А. Мкртчян о мифопоэтической природе творчества Маяковского, а также о теме Анны Карениной в произведениях Чехова.

Охарактеризованная в общих чертах тематика сборников, установившаяся с первых же его выпусков, представлена и в последнем выпуске «Декабрьских литературных чтений».

«Еще одна попытка социокультурного комментария» – такое уточнение дает к своей статье о «Повестях Белкина» Пушкина В. Адамян. Многие реалии пушкинской эпохи устарели, стали непонятными, приобрели затемненный смысл. В статье рассматриваются сцены застолья («Станционный смотритель», «Метель»), кодекс чести военных (дуэль), правила карточных игр («Выстрел»). Собранные в статье комментарии очень интересны и демонстрируют необходимость продолжения работы.

Малоисследованной странице русской литературы XVIII века посвящена статья М. Айвазян «Роль А. А. Ржевского в становлении и развитии лириче-



ских жанров русской поэзии XVIII века». Ржевский характеризуется как «первооткрыватель» новых средств, новых форм, как тонкий мастер стиха. Статья представляет собой комплексное исследование жанрово-стилистического своеобразия поэзии А. А. Ржевского.

В статье «Венок сонетов как сверхтекстовое единство» Л. Акопян анализирует теоретические аспекты этой жанровой формы, представляющей из себя жестко заданную композиционную систему, определяет сверхтекст как некоторое множество взаимосвязанных поэтических текстов, последовательно выделяя и анализируя межтекстовые связи. Автор приходит к выводу, что венок сонетов как жанровая форма обладает максимальной плотностью связей, которых не имеет лирический цикл.

Методический интерес представляет работа Т. Арутюнян и Ю. Ходжоян «Война в русской современной прозе конца XX века: Опыт анализа художественного текста на уроках русского языка (для гуманитарных факультетов)». В ней анализируются произведения С. Алексиевич «У войны не женское лицо» и В. Маканина «Кавказский пленный». Анализ художественных произведений сопровождается методической разработкой заданий для студентов с целью облегчения восприятия непростых текстов. Это тем более ценно, что в 2015 году отмечалось 70-летие Победы над фашизмом и что С. Алексиевич стала лауреатом Нобелевской премии по литературе 2015 года.

В статье А. Атанесян «К проблеме перевода сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина на армянский язык» говорится о трудностях перевода произведений Салтыкова-Щедрина, приводятся множественные примеры, когда иноязычный язык сатирика оказывался недопонятым переводчиком, вследствие чего определенные пласты оставались в армянских переводах невоспроизведенными как в плане содержания, так и в плане выражения. Как заключает автор, в настоящее время назрела потребность в новых, более точных переводах.

Тема, к которой обратилась М. Джанполадян, «Поэтический цикл “Возвращение” в контексте лирики Нины Габриэлян». Обращение к творчеству современного поэта тем более интересно, что Нина Габриэлян жила и как поэт сложилась не в армянской среде, но «армянство» жило в ней генетически. М. Джанполадян особо указывает, что название поэтического цикла не следует трактовать в его конкретном значении, смысл его именно в духовном осознании своих корней, своей генетической памяти. И в этом случае, конечно, неизбежно обращение к теме истории народа, его трагического прошлого.

Автор статьи «Фосфорическая женщина в пьесе В. Маяковского “Баня”»: К вопросу о мифологической интерпретации образа» М. Мкртчян давно и интересно анализирует тексты Маяковского в мифопоэтическом аспекте. Фосфорическая женщина появляется при помощи невидимой машины времени и рассматривается как представитель мира будущего, развернутая картина которого как ослепительного царства света дана в «Мистерии-буфф». Таким образом, Фосфорическая женщина становится связующим звеном между этими, столь разными, пьесами Маяковского.

Продолжая исследование творчества Н. Заболоцкого как преемника идей натурфилософской лирики, К. Мхитарян публикует статью «Семантика обра-

зов насекомых в поэзии Н. Заболоцкого». В статье говорится о том, что Заболоцкий в своей картине мира выясняет онтологический статус всех живых существ, не упуская из виду даже микроорганизмы, подчеркивается устойчивый интерес Заболоцкого к представлениям Федорова, Вернадского, Чижевского, Тимирязева, де Шардена, проводятся параллели с творчеством Набокова и Мандельштама.

Предпринимая сопоставительный анализ нескольких переводов на армянский язык широкоизвестного стихотворения Пушкина «Я вас любил...», М. Петросян представляет нашему вниманию подробнейший разбор переводных текстов, с выходом на отклики критиков. Большой интерес к творчеству Лермонтова в западноармянской литературно-читательской среде находит свое отражение в статье Р. Тер-Григорян, представляющей неисследованные страницы наследия западноармянского литературного деятеля Александра Паносяна.

В составе сборника представляет интерес и статья Р. Шубина «Дурак ли Чудик? (К образу «странных» героев В. Шукшина в герменевтических исследованиях В. Айрапетяна)». Автор обращается к образу Чудика в творчестве В. Шукшина как к продолжению традиционного типажа в мировой литературе (образ шута).

Думается, что представленный состав последнего выпуска «Декабрьских литературных чтений» говорит как о разнообразии интересов, так и о профессиональном уровне работы авторов. Можно заключить, что за двадцатилетнюю историю своего существования «Декабрьские литературные чтения» внесли определенный вклад в литературоведение не только в нашей республике, но и за ее пределами.

***ТЕРЕЗА МИДЖИФЕРДЖЯН***

---

**А. В. Амфитеатров. Армянский вопрос.  
Ереван, издательство ЕГУ, 2015, 108 с.**

В связи со 100-летней годовщиной Геноцида армян – событием, вызвавшим самый широкий международный резонанс, – в Ереванском государственном университете были осуществлены многочисленные работы, публикации на страницах научной периодики, а также ряд изданий, с различных точек зрения освещающих эту актуальную тему. Одно из таких изданий знакомит современного читателя с «армянскими страницами» наследия крупного представителя русской культуры, литературы, общественной мысли XIX–XX веков Александра Амфитеатрова. Книга названа по одноименной брошюре, изданной Амфитеатовым в 1906 году и объединившей две из трех, по слову самого автора, «довольно больших статей по “Армянскому вопросу” – результат газетной кампании pro Armenia, которую вел я в 1905 и 1906 гг. в нескольких русских периодических изданиях». Помимо самой работы «Армянский вопрос», есть в книге и довольно большой раздел «Приложения», в котором представлены одна из глав исторического сочинения Амфитеатрова «Армения и Рим» («Армения. Евфрат. Пути на Дальний Восток») и мемуарные страницы о Григории Аветовиче Джаншиеве («Он был человеком света, светоносцем»).

В культурно-читательской среде и Армении, и России многие сегодня хорошо знают о двух фундаментальных изданиях, появившихся в 1916-м в Москве, осуществленных в армяно-русском сотрудничестве, дабы по свежим следам пережитой армянским народом трагедии привлечь внимание к нему, к его истории, к созданной им высокой культуре, к его судьбам во временах прошлых и в настоящем. Это знаменитая Брюсовская антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» и «Сборник армянской литературы» под редакцией Горького.

Книга, изданная Ереванским университетом, преподносит нам еще один, знаменательный по времени, факт, дополняющий два вышеуказанных. А именно, что в трагическом для армян 1915 году в Петрограде вышло в свет отдельным изданием историческое сочинение Амфитеатрова «Армения и Рим», а уже в следующем 1916-м оно пришло к общественности, к читателям России как 33-й том 37-томного собрания сочинений писателя, пользовавшегося самой широкой известностью по всей стране. Амфитеатров, который в 1905–1906 гг. горячо и настойчиво писал об ужасающем положении армян в Турции, о необходимости справедливого решения «армянского вопроса» как публицист, теперь привлекал внимание русских читателей к Армении и армянам как писатель исторический.

Почему факты эти оказались основательно подзабытыми, составители книги (Н. А. Гончар, Г. К. Мирзоян) объясняют в своей вступительной статье. Как он сам себя называл, «литератор без выдумки», популярнейший писатель, блестящий публицист, автор исторических трудов, демократ и гуманист во

всех областях своей деятельности и творчества, Амфитеатров покинул Советскую Россию в 1921 году. Продолжая писать в эмиграции (умер он в Италии в 1938-м), Амфитеатров не раз подвергал критике большевистский режим. Понятно, что при этом его имя, его фигура, его творчество подлежали забвению. Времена, однако, изменились. С конца восьмидесятых прошлого века Россия стала восстанавливать и восстановила свою культурную память, в свои права вступило и наследие Амфитеатрова, его снова читают, издают и переиздают. Изданы теперь в Армении и могут быть прочитаны и страницы, по понятным причинам представляющие для нас особый интерес.

Историческое сочинение «Армения и Рим», столь знаменательно обращенное к читателю в 1915-м и 1916-м, Амфитеатров создал, изучая историю Армении по многочисленным арменоведческим источникам того времени, освоив, можно сказать, целую библиотеку книг, притом на разных языках. При знакомстве с этим трудом Амфитеатрова нельзя не поразиться широте исторической и, в частности, арменоведческой эрудиции автора, возможной, конечно же, по тем, а не сегодняшним временам. Главное, что сегодня привлекает внимание в этом сочинении, это то, что целым рядом ремарок автор актуализирует историю, перебрасывает наш взгляд из истории в современность, в настоящий день. Вот лишь две цитаты. «На первом плане грандиозного театра военных и дипломатических действий, столь решительных, как мы видели, для судеб античного мира и столь важных по конечному результату своему в общем процессе культуры Старого Света – у рампы его, так сказать, – перебывали кратковременно и по очереди едва ли не все малоазиатские государства. Наконец роль первой актрисы в тягостной трагедии этой досталась Армении и осталась за нею надолго – не на десятки, а на сотни лет» (с. 69). И вторая цитата: «Эти условия сделали Армению в глазах всего античного мира как бы ключом к “восточному вопросу”, тревожному для древних не менее, чем в наши дни» (с. 75). В связи с этими и подобными ремарками авторы вступительной статьи справедливо замечают: «... не откликаются ли эти столетней давности замечания писателя, погрузившегося в события античной истории, не только в его, но и в наших временах? В сегодняшнем театре военных и дипломатических действий» и на Ближнем Востоке, и в Закавказье? Не стоят ли на повестке дня и сегодня тревожные вопросы, касающиеся этого региона и, в частности, “ключевые” для Армении?» (с. 5).

Проявленный Амфитеатровым интерес к истории Армении античного периода, к трагической роли, которая досталась ей тогда и осталась за ней надолго, имел свою предысторию. Амфитеатров был одним из немногих русских журналистов, которые в 1896 году поехали в Константинополь и с места рассказали об ужасах развернутой султаном Абдул-Гамидом резни. Вынесенные тогда страшные впечатления не забылись и побудили его впоследствии к написанию и опубликованию статей по «армянскому вопросу» в прессе, а затем и распространению их отдельным изданием.

На страницах своего «Армянского вопроса» Амфитеатров прежде всего засвидетельствовал ужасы, по его же словам, «истребления беззащитных людей вооруженным и организованным негодяйством», творившим свои зверства при политически-дипломатическом нейтралитете, а значит, попросту

попустительстве так называемых держав. Вот как передает он слова стамбульского европейца, подчеркнув, что это был «даже туркофил, до глубины коммерческого сердца своего благодарный оттоманскому правительству за капитал, нажитый под его эгидою»: «Это звери, синьор Алессандро... это сущие дикие звери! Их надо держать в клетках на цепи... О! как раскается когда-нибудь – и, поверьте, скоро! – Россия, что позволила им ослабить свои цепи и выглянуть из клеток!» (с. 14). Далее читаем о настроении, которое наблюдал Амфитеатров уже после произошедшего:

«На русских стационарах офицеры дипломатничали, играя в молчанку, но прорывались хмурыми фразами недовольства и недоумения, зачем международная эскадра опоздала к страшным дням, когда могла прийти вовремя? Зачем “Донец” простоял молча... когда малейшею демонстрацией могли быть предотвращены тысячи жертв? Было трудно сдержать на борту матросов, потому что они видели и слышали, что происходило на берегу, и рвались к вмешательству... Самым страшным эпизодом бойни было ночное опустошение армянского квартала... Здесь работали уже не “сволочные люди”, как выражался о хулиганстве наш юридический язык в XVII веке, но войска местного гарнизона... Когда убийство утомилось брызгать кровью и мозгами человеческими, полиция стала топить живых людей» (с. 14, 15).

Приводя еще и другие подробности, Амфитеатров завершает картину их так: «Нейтралитет держав, в том числе и нашего отечества, был соблюден с такую строгостью, что некоторые армяне, все-таки ускользнувшие от потопления, не были приняты европейскими шлюпками и, достигнутые преследователями, погибали на глазах у тех, у кого напрасно молили защиты...» (с.15-16).

Потрясенный тем, что открылось ему в абдулгамидовском Константинополе 1896 года, Амфитеатров и пишет свои статьи по «армянскому вопросу», подробно анализируя историю этого вопроса, коварную политику Абдул-Гамида и непоследовательную, переменчиво-беспринципную политику в этом вопросе правительств и европейских держав, и самой России. С присущей ему как публицисту остротой он говорит об ошибках русской дипломатии в «армянском вопросе» как таковом, но еще и расширяет тему – критикуя как неверную и даже «бездарную» политику в отношении армян в русском же Закавказье, не учитывающую того значения, какое имеет для самой России тяга и обращенность к ней этого деятельного, культурного христианского народа.

В статьях Амфитеатрова умно и убедительно высказано многое о фактах и проблемах, об ошибках политики и дипломатии начала прошлого века, о неумении различать друзей и врагов. Сказано и о том, что круто заваренную на Кавказе кашу еще придется расхлебывать в будущем, и о необходимости при этом правильных выборов.

Для самого Амфитеатрова надежные друзья русских – армяне, им он страдает, за них болеет, высоко ценит их культуру, их разносторонне-полезное участие в жизни России, ведь всюду, – говорит он, называя многие имена, – годы и годы «показывают нам талантливых армян... работающих – каждый по-своему – на русской общественной ниве с таким усердием и любовью, каких дай Бог природным русским» (с. 46).

Одному из таких талантливых армян, с «усердием и любовью» работавших «на русской общественной ниве», яркой фигуре в русской публицистике, в общественной жизни последней трети XIX века, автору многократно переиздававшегося труда «Эпоха великих реформ», создателю ценнейшего как по цели своей, так и по составу сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (1897, 1898) Г. А. Джаншиеву посвящены Амфитеатровым мемуарные странички, нашедшие место в рецензируемой книге. Прочитаем фрагмент из этого мемуара: «Со светом, возженным у огня шестидесятих годов, Григорий Аветович бестрепетно прошел свою честную жизнь не столько бойцом, сколько трубадуром великой эпохи. Он охотно брался, когда надо, за меч и храбро им бился, но настоящее оружие его была лютня, даже немножко сантиментальная лютня. И слово свое, и дело отдал он безраздельно великой богине человечности, зарю царствия которой видел в 19 февраля 1861 года. Богине человечности он служил равно и в России, и в местах всесветного армянского рассеяния. Армян-сородичей он любил, как русских, а русских – как армян. Дай Бог каждому русскому так любить Россию, как любил ее армянин Джаншиев, и принести ей хоть треть той пользы, что он принес» (с. 103).

Относительно же освещения «армянского вопроса» Амфитеатровым с полным основанием можно сказать, что оно представляет интерес отнюдь не только как факт исторический. Написанное им актуально отзывается в контексте международно-политической проблематики наших дней и может под-сказать немало полезного.

**НАТАЛИЯ ХАНДЖЯН**

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**  
**ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ**  
**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**

- 1. Сейран Григорян** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой новейшей армянской литературы ЕГУ  
**Սեյրան Գրիգորյան** – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, ԵՊՀ հայ նորագույն գրականության ամբիոնի վարիչ  
**Sevran Grigoryan** – PhD, Associate Professor, Head of the Chair of Contemporary Armenian Literature, YSU
- 2. Георгий Кубатьян** – литературный критик, сотрудник редакции журнала «Вестник Ереванского университета»  
**Գեորգի Կուբատյան** – գրաքննադատ, «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի աշխատակից  
**Georgi Koubatian** – Literary Critic, the Worker of Bulletin of Yerevan University
- 3. Карине Саакянц** – руководитель Центра культурных и литературных инициатив им. Л. Мкртчяна Российско-Армянского (Славянского) университета  
**Կարինե Սահակյանց** – Ռուս-հայկական (Սլավոնական) համալսարանի Լ.Մկրտչյանի անվան մշակութային և գրական նախաձեռնությունների կենտրոնի ղեկավար  
**Karine Sahakyan** – Head of the Center of Cultural and Literary Initiatives after L. Mkrтчyan, Russian-Armenian (Slavonic) University
- 4. Лианна Матевосян** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ  
**Լիաննա Մաթևոսյան** – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, ԵՊՀ ռուսաց լեզվաբանության, տիպարանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր  
**Lianna Matevosyan** – Sc.D. in Philology, Professor of the Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication, YSU
- 5. Ануш Акопян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для гуманитарных факультетов ЕГУ  
**Անուշ Հակոբյան** – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուսաց լեզվի ամբիոնի (հումանիտար ֆակուլտետների համար) դոցենտ  
**Anoush Hakobyan** – PhD, Associate Professor of the Chair of Russian Language (Humanities' Faculties), YSU
- 6. Тереза Миджиферджян** – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка для гуманитарных факультетов ЕГУ  
**Թերեզա Միջիֆերջյան** – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուսաց լեզվի ամբիոնի (հումանիտար ֆակուլտետների համար) ասիստենտ  
**Tereza Mijiferjyan** – PhD, Assistant of the Chair of Russian Language (Humanities' Faculties), YSU
- 7. Наталия Ханджян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ЕГУ  
**Նատալիա Խանջյան** – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ  
**Natalya Khanjyan** – PhD, Associate Professor of the Chair of Foreign Literature, YSU

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО  
УНИВЕРСИТЕТА: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ" ЗА 2015 Г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Акопян Левон</i> – «Роковой ряд» В. Брюсова и проблемы поэтики венка сонетов .....	1.45
<i>Геворкян Татьяна</i> – Над страницами черновиков Марины Цветаевой.....	1.32
<i>Григорян Сейран</i> – Паруйр Севак и Марина Цветаева.....	3.3
<i>Джанполадян Магда</i> – Отголоски армянской трагедии в русской поэзии второй половины XX века .....	1.3
<i>Кубатьян Георгий</i> – Поэзия сострадания. <i>О творчестве Инны Лиснянской</i> .....	3.13
<i>Мхитарян Каринэ</i> – <i>Книга и сад</i> в поэзии Н. Заболоцкого 1930-х годов .....	1.57
<i>Патроева Наталья</i> (Петрозаводск) – К вопросу о фольклорных традициях в русской романтической лирике (на материале «Русской песни» Е. А. Баратынского) .....	2.15
<i>Саакянц Карине</i> – Из архива Левона Мкртчяна. Письма к М. С. Петровых. (1965–1975).....	1.16
<i>Саакянц Каринэ</i> – Из архива Левона Мкртчяна. Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии.....	2.23
<i>Саакянц Каринэ</i> – Из архива Левона Мкртчяна: Письма Наума Гребнева Л. Мкртчяну .....	3.28
<i>Степанян Карен</i> (Москва) – Достоевский и Бахтин .....	2.3
<i>Тер-Григорян Рузан</i> – На перекрестке литературных связей .....	2.38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Акопян Ануш</i> – Кластеризация конъюнктивных высказываний относительно отрицания.....	3.62
<i>Арутюнян Вероника</i> – От формы к значению (вопросы словообразования) ..	1.76
<i>Газарова Диана</i> – Категория определенности/неопределенности в повестях Сергея Довлатова.....	2.55



<i>Грдзелян Рузан</i> – О границах лингвистики как науки и как учебной дисциплины .....	<b>2.47</b>
<i>Ламбардзян Србуи</i> – К вопросу персуазивности в художественном тексте .....	<b>1.66</b>
<i>Матевосян Лианна</i> – Модус и подтекст: иллюзия сходства .....	<b>3.53</b>
<i>Оганесян Гаяне</i> – Об одной особенности синтаксического строя повести Л.Толстого «Дьявол» .....	<b>2.67</b>

### **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**

<i>Миджифердзян Тереза</i> – Декабрьские литературные чтения. Сборник статей. Ереван, издательство ЕГУ, 2014, 136 с. ....	<b>3.71</b>
<i>Ханджян Наталия</i> – А. В. Амфитеатров. Армянский вопрос. Ереван, издательство ЕГУ, 2015, 108 с. ....	<b>3.75</b>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ  
ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ  
LITERARY CRITICISM

- Сейран Григорян* – Паруйр Севак и Марина Цветаева ..... 3  
*Մեյրան Գրիգորյան* – Պարույր Սևակը և Մարինա Ցվետանան  
*Seyran Grigoryan* – Paruyr Sevak and Marina Tsvetaeva
- Георгий Кубатьян* – Поэзия сострадания. *О творчестве Инны Лиснянской* .... 13  
*Գեորգի Կուբատյան* – Կարեկցանքի պոեզիա. Իննա Լիսնյանսկայայի  
ստեղծագործության մասին  
*Georgi Koubatian* – Poetry of Compassion. On the Work of Inna Lisnyanskaya
- Каринэ Саакянц* – Из архива Левона Мкртчяна: Письма Наума Гребнева  
Л.Мкртчяну..... 28  
*Չարինե Սահակյանց* – Լևոն Մկրտչյանի արխիվից. Նաում Գրեբնևի նա-  
մակները Լ. Մկրտչյանին  
*Karine Sahakyan* – From the Archives of Levon Mkrтчyan: Naum Grebnev’s  
Letters to Levon Mkrтчyan

ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ  
LINGUISTICS

- Лианна Матевосян* – Модус и подтекст: иллюзия сходства..... 53  
*Լիաննա Մաթևոսյան* – Մոդուսը և ենթատեքստը. նմանության պատրանք  
*Lianna Matevosyan* – Modus and Subtext: the Illusion of Identity
- Ануш Акопян* – Кластеризация конъюнктивных высказываний относительно  
отрицания..... 62  
*Անուշ Հակոբյան* – Ժխտման նկատմամբ կոնյունկտիվ արտահայտություն-  
ների դասակարգում  
*Anoush Hakobyan* – Clustering of Conjunctive Statements Concerning Negation

ԳՐՔԵՐԻ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆ  
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ  
BOOK REVIEW

- Тереза Миджиферджян* – Декабрьские литературные чтения. Сборник статей.  
Ереван, издательство ЕГУ, 2014, 136 с. .... 71  
*Թերեզա Միջիֆերջյան* – Դեկտեմբերյան գրական ընթերցումներ: Հոդվածների  
ժողովածու, Երևան, ԵՊՀ հրատարակչություն, 2014, 136 էջ  
*Tereza Mijiferjyan* – December Literary Readings. Collection of Articles, Yere-  
van, YSU Publishing House, 2014, 136 p.

<i>Наталья Ханджян</i> – А. В. Амфитеатров. Армянский вопрос. Ереван, издательство ЕГУ, 2015, 108 с.....	<b>75</b>
<i>Նատալյա Խանջյան</i> – Ա. Վ. Ամֆիտեատրով: Հայկական հարցը: Երևան, ԵՊՀ հրատարակչություն, 2015, 108 էջ	
<i>Natalya Khanjyan</i> – A. V. Amfiteatrov. The Armenian Issue. Yerevan, YSU Publishing House, 2015, 108 p.	
Сведения об авторах.....	<b>79</b>
Տեղեկություններ հեղինակների մասին	
Information about the Authors	
Содержание журнала "Вестник Ереванского университета: Русская филология" за 2015 г.....	<b>80</b>
«Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս քանասիրություն» հանդեսի 2015 թ. բովանդակությունը	
The annual contents of the "Bulletin of Yerevan University: Russian Philology " in 2015	

Հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երեք անգամ: Հրատարակվում է 2010 թվականից:  
Իրավահաջորդն է 1967-2009 թթ. հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:  
Журнал выходит три раза в год. Издается с 2010 года. Правонаследник издававшегося в  
1967-2009 гг. журнала "Вестник Ереванского университета".  
The Bulletin is published thrice a year. It has been published since 2010. It is the successor of  
"Bulletin of Yerevani University" published in 1967-2009.

Խմբագրության հասցեն. Երևան, Ալեք Մանուկյան փող., 1, 107  
Адрес редакции: Ереван, ул. Алека Манукяна 1, 107  
Address: 1, 107, Alek Manoukian str., Yerevan  
Հեռ. 060 710 218, 060 710 219

Էլ. փոստ՝ ephbanber@ysu.am  
Վայր՝ ysu.am

Վերստուգող սրբագրիչ՝  
Контрольный корректор  
Proofreader

Գ. Գրիգորյան  
Г. Григорян  
G. Grigoryan

Համակարգչային ձևավորում՝  
Компьютерная верстка  
Computer designer

Մ. Աբգարյան  
М. Абгарян  
M. Abgaryan

Ստորագրված է տպագրության 10. 12. 2015:  
Տպաքանակ՝ 100: Չափսը՝ 70x108 1/16: Թուղթ՝ օֆսեթ:  
Տպագրական 5 մամուլ: